

СИНЕ

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром известный специалист в области изучения процессов развития высшей школы профессор Филип Дж. Альтбах.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных,

региональных и международных кейсов; отбор и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе НИУ «Высшая школа экономики» функционируют 47 исследовательских центров и 25 международных лабораторий, занимающихся реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№80 / Весна 2015

Будущее высшего образования Юбилейный выпуск МВО

- 6 От редакции
Два десятилетия аналитики и новостей
- 7 Предисловие
Филип Дж. Альтбах, Лора Рамбли
- 8 Высшее образование в ближайшие два десятилетия: взгляд из страны развивающегося мира
Паван Агарвал
- 9 Массовизация высшего образования и глобальная экономика знаний: тянущиеся противоречия
Филип Дж. Альтбах
- 10 Кризис общественной миссии высшего образования
Хорхе Балан
- 10 Обеспечение справедливости как важнейшая мировая проблема высшего образования
Роберта Малё Бассет
- 11 Проблема эффективного преподавания
Андрес Бернаскони
- 12 «Международный университет» как будущее высшего образования?
Ханс де Вит
- 13 Устойчивость и доступность высшего образования: есть ли какое-то чудодейственное средство?
Эллен Хэйзелкорн
- 14 От мягкой силы к интеллектуальной дипломатии
Джейн Найт
- 15 Поддержание качества высшего образования в условиях массовизации: возможно ли это?
Марселу Кнобель
- 16 Не попадитесь на удочку
Дэниел К. Леви
- 16 Стабильная ресурсообеспеченность
Саймон Марджинсон
- 17 Высшее образование в Китае в ближайшие два десятилетия
Вэйфан Минь
- 18 Безработица среди выпускников вузов в странах Африки
Гулям Мохамедбхай
- 19 Опасность игнорирования общественной пользы высшего образования
Кристина Мусселен

- 19 Злоупотребление университетами
Патти МакГилл Питерсон
- 20 Высшее образование в Китае: задачи на ближайшее будущее
Джерард А. Постильоне
- 21 Обеспечение качества высшего образования: все стало сложнее
Лиз Райзберг
- 22 Исследовательские университеты и проблемы нематериального характера
Генри Розовски
- 23 «Умная интернационализация» — первоочередная задача XXI века
Лора Рамбли
- 24 Быть или не быть университету мирового класса?
Джамиль Салми
- 24 Тройной парадокс африканского высшего образования: расширение, консолидация, (частичная) безработица
Дэмтью Теферра
- 25 Можно ли остановить падение авторитета вузов?
Ульрих Тайхлер
- 26 Продолжится ли игра в рейтинги через десять лет?
Акиёси Йонедзава
- 27 Переосмысляя высшее образование
Мария Юдкевич
- 28 Глобальное информационное общество: конфликт между теоретическим и прикладным подходом
Павел Згага

Статьи

- 28 Классификация американских учреждений высшего образования Фонда Карнеги: все сложнее и проще, чем кажется на первый взгляд
Филип Дж. Альтбах
- 31 МООК в развивающихся странах: новая надежда или надувательство?
Бен Вильдавски
- 33 Повышение качества технического образования в странах Центральной и Западной Африки
Гулям Мохамедбхай
- 35 Существует ли китайская модель университета?
Цян Чжа, Цзинхуан Ши, Сяоян Ван

Новости Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже

Новые публикации

От редакции

Два десятилетия аналитики и новостей

Весной 1995 года, ровно двадцать лет назад, вышел первый выпуск бюллетеня «Международное высшее образование». Как я тогда писал, «“Международное высшее образование” — это площадка для обмена информацией и дискуссий о насущных вопросах высшего образования». Одной из наших особых сфер интереса стали развивающиеся страны. По нашему мнению, в то время о них слишком мало писали в других изданиях. Мы также решили, что бюллетень «МВО» должен стать открытой дискуссионной площадкой, где будут доступны результаты независимого анализа и оценки основных тенденций международного высшего образования. За эти два десятилетия мы выпустили 80 номеров, в общей сложности более 1000 статей, и мы полагаем, что нам удалось достичь поставленных целей. Мы всегда публиковали аналитику о тех странах, информация о которых в других источниках была недоступна. Мы поднимали самые разные темы — от коррупции до влияния новых технологий, от интернационализации и глобальной студенческой мобильности до проблем частных коммерциализированных вузов. Мы часто публиковали альтернативные мнения.

Двадцать лет назад, когда бюллетень только появился, другого издания, публиковавшего новости и аналитику о международном высшем образовании, не было. Сейчас выходит целый ряд региональных и международных изданий, что говорит о значимости изучения вопросов высшего образования, в особенности в международной перспективе. Однако в отличие от большинства из них «МВО» по-прежнему остается полностью некоммерческим проектом и продолжает считать своей первоочередной задачей публикацию критической аналитики.

Сейчас, когда мир высшего образования стал еще сложнее и конкурентнее, как никогда ранее чувствуется необходимость слышать независимые, острые, иногда странные мнения. Коммерциализация захватывает все новые элементы образовательной системы, поскольку правительства сокращают финансирование вузов. Роль частных вузов, ориентированных на извлечение прибыли, становится все более значимой, а это ведет к определенным последствиям с точки зрения качества и доступности образования, а также сохранения академической этики. Интернационализация, привлечение иностранных студентов, открытие зарубежных

филиалов и другие международные инициативы рассматриваются владельцами этих университетов в первую очередь как инструмент извлечения прибыли.

«Международное высшее образование» претерпело ряд позитивных изменений. С самого начала мы публиковали все выпуски и в интернете, и на бумаге: мы стали одними из первых в своей области, кто серьезно отнесся к интернету как к значимому инструменту распространения знаний. В настоящее время «МВО» — единственное многоязычное издание о высшем образовании: в дополнение к английскому оригиналу выходят также переводы на китайский, португальский, испанский и русский язык. Кроме того, нас перепечатывает (по-английски) «Немецкая университетская газета» (Deutsche Universitätzeitung) — ведущее профессиональное академическое издание Германии. Все это стало возможным благодаря нашим партнерам, которые берут на себя все расходы, связанные с переводом текстов, и которым мы бесконечно благодарны.

«МВО» всегда было бесплатным — как в бумажной, так и в электронной версии. Мы только рады, если другие издания, такие как, например, наш партнер University World News, перепечатывают наши материалы. В течение 15 лет нас поддерживал Фонд Форда, что позволяло покрыть затраты на печать, а теперь нам в этом помогает Фонд Карнеги. Кроме того, наша работа была бы невозможна без поддержки Школы образования Линча при Бостонском колледже и стипендиальной программы для преподавателей им. Монана.

Вышло уже три книги, которые содержат статьи, изначально напечатанные в «МВО»: Philip G. Altbach, *International Higher Education: Reflections on Policy and Practice* (Chestnut Hill, MA: Center for International Higher Education, 2006); Philip G. Altbach and Daniel C. Levy, eds., *Private Higher Education: a Global Revolution* (Rotterdam, Netherlands: Sense Publishers, 2005); Philip G. Altbach, *The International Imperative in Higher Education* (Rotterdam, Netherlands: Sense Publishers, 2013).

Сейчас нас читают в 149 странах, на всех континентах; ссылки на «МВО» часто фигурируют во многих других изданиях. «МВО» начинает свой третий десяток, и мы надеемся, что наша работа продолжится и что мы останемся важнейшей международной площадкой для обсуждения вопросов высшего образования.

Филип Дж. Альтбах, редактор

Филип Дж. Альтбах

**Редактор журнала
«Международное высшее образование»,
директор Центра по изучению
международного высшего образования**

Лора Рамбли

**Соредактор журнала
«Международное высшее образование»,
заместитель директора Центра по изучению
международного высшего образования**

Предисловие

Двадцать лет назад, когда весной 1995 года первый выпуск бюллетеня «Международное высшее образование» только вышел из печати, никто еще и слыхом не слыхивал про MOOC (массовые открытые онлайн-курсы), а в большинстве развивающихся стран высшее образование было доступно менее чем 10% населения. На революцию частного высшего образования не было даже и намека. Мы еще не до конца понимали суть массовизации высшего образования, которая затронула практически весь мир. Глобальная экономика знаний только зарождалась. Все эти процессы, а также недавний мировой экономический кризис оказали сильнейшее влияние на развитие высшего образования.

Сейчас предпосылки многих явлений, возникших на горизонте за последние два десятилетия, кажутся очевидными, и они оказывают влияние на все, что происходит в высшем образовании. В последнее время появилась тема так называемых «созидательных потрясений», хотя многие ученые рассматривают их как просто потрясения. Мы попросили 25 экспертов, которые так или иначе сотрудничали с нашим бюллетенем или с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, дать ответ на простой и одновременно сложный вопрос: «В чем заключается ключевая проблема в области высшего образования на ближайшие двадцать лет?». Предлагаем вашему вниманию серию мини-эссе, подготовленных лучшими современными специалистами в этой области.

**Филип Дж. Альтбах,
Лора Рамбли**

Высшее образование в ближайшие два десятилетия: взгляд из страны развивающегося мира

Паван Агарвал

Паван Агарвал — сосекретарь Министерства кадрового развития и предпринимательства Индии, бывший советник по вопросам высшего образования при правительственной комиссии по планированию. E-mail: pagarwal.dsde@gmail.com.

За последние двадцать лет высшее образование в развивающихся странах уже претерпело значительные изменения, однако следующие десятилетия еще в большей степени трансформируют его. Ожидаемые изменения будут происходить на всех четырех уровнях — на уровне учебных аудиторий, вузов, на государственном и глобальном уровне.

В будущем взаимодействие преподавателя и студентов будет основано на новой образовательной парадигме. Нас ждет смещение акцента с содержания образования на новые методы педагогической работы, в которых немаловажную роль будут играть новые технологии и аналитика. Пока влияние технологий на образовательный процесс не слишком заметно, однако оно значительно усилится в ближайшие два десятилетия. Даже в условиях большого числа учащихся обучение будет устроено с учетом индивидуальных потребностей и предпочтений студентов. Они будут в большей степени вовлечены в практико-ориентированное и интерактивное обучение, нацелены на самообразование и обучение не только у преподавателей, но и у окружающих их сокурсников.

В контексте изменений, которые произойдут с вузами, можно с уверенностью говорить о том, что их количество значительно возрастет. Университетская монополия на создание и распространение нового знания будет размыва за счет появления на рынке новых типов игроков. Различия между некоммерческими учреждениями и теми, которые нацелены на извлечение прибыли, начнут стираться. Планируемое функциональное разделение университетов приведет к их большей концентрации на обучении и науке. Неизбежно произойдет изменение коллегиальных подходов к управлению университетами на менеджерские.

Системы высшего образования разных стран находятся на различных этапах развития. В то время как в большинстве развитых стран система высшего образования давно сложилась и любой гражданин имеет возможность поступить в вуз на основе общих правил, системы высшего образования развивающихся стран за счет расширения частного образовательного сектора в течение двух последних десятилетий пережили

резкий рост. Основная задача этих стран на ближайшие два десятилетия — консолидация системы и повышение качества образования, а не дальнейший количественный прирост. С повышением государственных расходов на высшее образование правительства все больше будут стремиться переложить затраты на плечи студентов и их родителей. А развитие онлайн-образования приведет к повышению доступа к знанию и предоставит практически универсальные возможности доступа к высшему образованию даже в удаленных и самых неблагоприятных районах. В то время как реальные различия в качестве образования между вузами будут стираться, конкуренция между ведущими университетами будет усиливаться, особенно в вопросах репутации.

Высшее образование будет охватывать все большее число людей и станет значительно более глобальным, но при этом произойдут некоторые значимые изменения. Сегодня успешными считаются страны, которым удастся привлечь множество иностранных студентов или открыть зарубежные филиалы своих вузов. В будущем придет понимание того, что это вовсе не игра с нулевой суммой и что даже те государства, откуда многие люди уезжают учиться за границу, в результате выигрывают за счет получения доступа к высококачественному высшему образованию.

Углубление глобальных экономических и культурных связей, распространение цифровых технологий — все это будет способствовать развитию глобальных сетей и интерактивного образовательного процесса, в частности на транснациональном уровне. Современная тенденция мобильности студентов с целью получения иностранного диплома будет заменена мобильностью в рамках программ академического обмена (продолжительностью, например, в один семестр).

В целом все эти изменения скажутся на сфере высшего образования положительным образом, однако есть и ряд негативных факторов, игнорировать которые не стоит. Следующие двадцать лет заложат фундамент дальнейшего развития высшего образования на много десятилетий вперед.

Массовизация высшего образования и глобальная экономика знаний: тянущиеся противоречия

Филип Дж. Альтбах

*Филип Дж. Альтбах — исследователь, директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США.
E-mail: altbach@bc.edu.*

В ближайшие десятилетия вектор развития высшего образования будет среди прочего определяться необходимостью решения двух задач, с которыми человечество впервые столкнулось еще полвека назад: повышение доступности высшего образования и поддержание устойчивости исследовательских центров, которые играют ключевую роль в формировании и распространении нового знания в современном обществе. Это две противонаправленные силы, которые тянут академический мир каждая в свою сторону.

Сейчас в мире более 150 млн студентов — в два раза больше, чем всего пару десятилетий назад. И скорее всего, к 2020 году их общая численность возрастет еще на 100 млн. Большая часть этого прироста обеспечена за счет двух стран — Индии и Китая. Расширение доступа к высшему образованию необходимо не только в связи с ростом спроса на более квалифицированную рабочую силу, но и потому, что население открывает для себя таким образом новые возможности для социальной мобильности и получает возможность найти в итоге более интересную работу.

Массовизация высшего образования принесла и дополнительное финансовое бремя, которое не всякое правительство может вынести, а это, в свою очередь, привело к буму частного образовательного сектора. Расширению образовательной системы нередко сопутствовала проблема нехватки квалифицированных преподавателей и возникновения недостаточно обеспеченных ресурсами вузов, в результате чего качество образования значительно упало. Тем не менее в результате этого миллионы людей получили диплом о высшем образовании и повысили свой уровень жизни.

В то же время развитие мировой экономики знаний невозможно без поддержки передовых высококлассных вузов, чьи выпускники смогут внести достойный вклад в глобальную экономику XXI века. Университеты должны одновременно служить хранилищем знания и способствовать дальнейшему продвижению науки. Исследовательские университеты — локомотивы современной экономики знаний — представляют собой сложно устроенные организации, которые уже стали центрами различных международных сетей.

Это мощные, но вместе с тем хрупкие структуры, работа которых должна опираться на принципы автономии, децентрализованного управления и академической свободы. Обеспечивать работу таких вузов непросто, и обходится это недешево. Большинство исследовательских университетов — за редким исключением — это государственные учреждения, которые нуждаются в безоговорочной поддержке со стороны правительства. Как правило, это вузы мирового класса, занимающие верхушку международных рейтингов. Однако руководители стран не всегда отдают себе отчет в том, что, хотя университеты действительно очень дороги, их поддерживать совершенно необходимо.

Наблюдается определенное раздвоение в связи с необходимостью, с одной стороны, обеспечения доступа к высшему образованию для большого числа студентов, а с другой — поддержки элитных исследовательских университетов. Действительно, это два различных, но одинаково важных и совершенно необходимых процесса в современном высшем образовании, и оба они играют существенную роль в глобальной экономике знаний: первый позволяет удовлетворить растущие потребности рынка, а также повысить качество гражданского участия населения, а второй — помочь наиболее талантливым молодым исследователям, которые будут впоследствии развивать как фундаментальную, так и прикладную науку.

В ближайшие десятилетия необходимо будет содействовать развитию обоих этих процессов, однако уже сейчас видно, что многие страны не справляются с изменениями, которые несет с собой массовизация высшего образования. Нередко эту нишу заполняют частные вузы, которые часто нацелены в первую очередь на извлечение прибыли и предлагают некачественное образование. А крупные (обычно государственные) исследовательские университеты, содержание которых стоит дорого, все чаще сталкиваются с бюджетными сокращениями. Таким образом, важнейшая задача — обеспечить адекватное функционирование обоих процессов, составляющих неотъемлемую часть современного высшего образования.

.....

Кризис общественной миссии высшего образования

Хорхе Балан

Хорхе Балан — старший научный сотрудник Колумбийского университета, Нью-Йорк. E-mail: jb3369@columbia.edu.

Укрепление и обновление понимания общественной миссии высшего образования является одной из его основных задач и одним из ответов на повсеместное снижение государственного финансирования в расчете на одного студента, изменение правил, стратегий и инструментов, которыми пользуются регуляторы, непрерывный рост спроса на высшее образование и изменение требований к нему как со стороны студентов, так и со стороны общества в целом.

Финансирование университетов государством, а также то, что государство является собственником многих университетов, часто и ошибочно воспринимается как обоснование их общественной миссии, особенно в странах, где вузы имеют высокую репутацию, автономию и политическое влияние. Академические и административные сотрудники вузов, а также студенты критически относятся к влиянию, которое оказывает на государственный образовательный сектор рост частных вузов, при этом государственные вузы редко уделяют достаточное внимание тому, насколько хорошо им удастся реализовывать возложенную на них общественную роль. Получая государственные лицензии и аккредитации, негосударственные образовательные учреждения получают и определенные права и льготы, а также прямые или косвенные государственные субсидии. Повышение спроса на высшее образование привело к распространению нового типа частных, коммерчески ориентированных образовательных заведений, что несет за собой существенные проблемы с точки зрения контроля качества образования и защиты прав студентов. Поэтому возникла необходимость пересмотреть общественную миссию разных типов вузов и системы высшего образования в целом.

Выработка понимания общественной миссии высшего образования является задачей как общенационального, так и локального уровня и в условиях сокращения госфинансирования выступает предметом жарких споров. Во всем мире наблюдается усугубление имущественного и материального расслоения, и вопросы равного и справедливого доступа к высшему образованию становятся важнейшим аспектом общественной миссии. Несмотря на массовизацию высшего образования в последние годы, исследования показывают, что существенного сближения между различными по уровню дохода группами населения не происходит. Во многих странах со средним уровнем доходов правительства часто непропорционально

распределяют расходы на образование, поддерживая в первую очередь наиболее дорогие в пересчете на одного студента вузы. Принимая в расчет ограниченные возможности частных вузов по проведению фундаментальных исследований и созданию образовательных программ самого высокого уровня, эта стратегия часто является оправданной. Однако выполнение общественной миссии требует от университетов большей прозрачности в расходовании бюджетных средств, так как необходимо, чтобы блага, которые дает высшее образование, могли быть использованы не только лучшими студентами и чтобы высшее образование работало на потребности всего общества.

Существует также универсальное измерение общественного предназначения высшего образования, значимое одновременно на национальном, региональном и местном уровнях, и для его реализации необходима поддержка как со стороны вузов, так и со стороны властей. Центральной составляющей этого измерения является производство нового знания в глобальном контексте, которое резко возросло благодаря революции в сфере коммуникационных технологий. Вузы являются ключевыми агентами в области производства нового знания, так как в них ведутся фундаментальные естественнонаучные и гуманитарные исследования и они отвечают за разработку новых правил и ценностей, которые ложатся в основу дальнейшего развития науки. Становится все больше коллективных исследований, и их результаты должны быть доступны обществу. Слово «интернационализация» на слуху во многих вузах. Это явление также составляет неотъемлемую часть общественной миссии высшего образования, а значит, требует более внимательного и проактивного отношения со стороны вузов и представителей власти. Интернационализация высшего образования несет в себе гарантию дальнейшей активизации взаимодействия и уважительного отношения друг к другу участников процесса производства нового знания по всему миру.

Обеспечение справедливости как важнейшая мировая проблема высшего образования

Роберта Малле Бассет

Роберта Малле Бассет — специалист Всемирного банка по вопросам высшего образования. E-mail: rbassett@worldbank.org.

В последние два десятилетия будущее высшего образования все чаще обсуждается в контексте развития технологий. Действительно, еще со времен промышленной революции технологический прогресс всегда отождествлялся с будущим. Однако образование — это человеко-ориентированная область деятельности, поэтому одна из основных и бессрочных задач — сохранить «человечность» высшего образования, и участвовать в ее осуществлении должны представители всех заинтересованных кругов.

Что понимается под человечностью высшего образования? Кого можно отнести к его целевой аудитории: будущих, нынешних и бывших студентов, их семьи, представителей профессорско-преподавательского и административного состава вузов, работодателей, чиновников? На самом деле в современном мире каждый житель Земли так или иначе оказывается связанным с высшим образованием через использование научных разработок, новых технологий, новых педагогических подходов и т.д. Тем не менее возможность прямого влияния на сферу высшего образования и использования его благ остается привилегией мировых элит. Таким образом, ключевая задача, которую необходимо решить в обозримом будущем, — это обеспечение равного доступа к высшему образованию.

Исследования показывают, что доступность высшего образования широким массам дает экономический и социальный выигрыш как обществу в целом, так и его отдельным гражданам. На индивидуальном уровне люди, имеющие высшее образование, лучше следят за своим здоровьем и имеют возможность существенно увеличить свой доход, у них выше уровень удовлетворенности жизнью и даже вероятная средняя продолжительность жизни. На уровне всего общества повышение доступности высшего образования выражается в снижении уровня безработицы, увеличении общего объема налоговых отчислений, повышении уровня гражданского участия и участия в волонтерской деятельности, а также в снижении нагрузки на систему социального обеспечения. Кроме того, повышение доступа к высшему образованию для представителей неблагополучных групп населения позволяет распространить блага высшего образования на те группы общества, которые больше всего в нем нуждаются.

Несмотря на то что доступность высшего образования в мире растет, оно по-прежнему остается для многих недостижимым, особенно если речь идет о престижных университетах, чьи студенты — это выходцы из наиболее благополучных слоев населения. Мало где в мире ведется систематический сбор информации о социально-экономическом происхождении студентов, однако анализ подобной статистики в странах, где она доступна, позволяет увидеть очевидные диспропорции. Так, например, в Чили численность студентов среди богатейших 20% жителей страны в четыре раз выше, чем среди 20% наиболее бедных. Аналогичное соотношение в

Аргентине равно пяти, а в Мексике вообще 18. Во франкоязычных странах Центральной и Западной Африки 80% студентов приходится на молодых людей, чьи семьи относятся к 20% самых богатых местных жителей; бедняки составляют 40% населения, однако лишь 2% студентов — выходцы из бедных семей.

В целом количество студентов в мире, безусловно, растет, однако массовизация высшего образования идет в первую очередь за счет представителей привилегированных слоев населения и в меньшей степени затрагивает остальные группы. Поэтому основная задача институтов высшего образования на ближайшие десятилетия — обеспечить представителям всех слоев населения возможность использования тех благ, которые несет с собой высшее образование.

Проблема эффективного преподавания

Андрес Бернасconi

Андрес Бернасconi — профессор Папского католического университета Чили. E-mail: abernasconi@uc.cl.

На протяжении уже почти целого тысячелетия вузы являются общественными центрами науки и распространяют передовые знания. К этой основной функции с течением времени добавлялись и другие — более или менее важные, более или менее злободневные. В разные периоды вузы помогали церкви в распространении христианства, занимались подготовкой чиновников, укреплением национального самосознания, становились локомотивом развития, вставали во главе технологического прогресса и т.д. Однако мы по-прежнему воспринимаем вузы в первую очередь как структуры, занимающиеся образованием и наукой.

Обновление самой концепции университета в последнее время привело к тому, что престижность вузов теперь определяется главным образом по результатам их исследовательской, а не образовательной деятельности. В XIX веке господствовала гумбольдтовская модель университета, где преподавание являлось непосредственным продолжением научной работы. Сейчас же, в эпоху массовизации высшего образования, подобный благородный тандем преподавания и науки остался разве что на уровне аспирантуры.

Связь образования и науки все сильнее размывается, поскольку появляется все больше учреждений высшего образования — колледжей, институтов, университетов прикладных наук (Fachhochschulen), которые

ориентированы главным образом или исключительно на профессионально-техническое обучение и где научная работа уходит на второй план.

В то же время репутация вузов и преподавателей оценивается исключительно по результатам их научной деятельности, чему только способствует распространение мировых университетских рейтингов, а преподавательская работа оказывается менее значимой, и переключение внимания с развития лидерства и профессиональных компетенций на практиков также является результатом этого.

Однако преподавание не может более оставаться вторичным по отношению к науке. Во-первых, подавляющее большинство вузов во всем мире научными исследованиями не занимаются вообще. Их достижения могут касаться только высокого качества образовательных программ. Во-вторых, доля студентов, обучающихся в наиболее престижных в мире исследовательских университетах и, соответственно, получающих лучшее образование и возможности для интеллектуального развития, крайне мала. Какими бы талантливыми и высокообразованными ни были преподаватели, подавляющее большинство студентов в мире ценят тех, у которых с большей вероятностью можно успешно окончить магистерскую программу с минимальными усилиями, а возможность овладения дисциплинами и профессией на высоком уровне уходит на второй план. Однако политики, похоже, недовольны результатами работы вузов и вообще теряют терпение, если судить по тому, как менялось направление публичной политики в последние 30 лет в разных странах мира — от Великобритании до Японии, от Японии до Мексики. Подобная неудовлетворенность и суета вызваны не только отсутствием впечатляющих научных результатов, но и невозможностью увидеть какое бы то ни было существенное влияние высшего образования на повышение уровня и продуктивности рабочей силы.

Когда-нибудь преподавательская деятельность будет оцениваться так же тщательно и скрупулезно, как и научная. Оценка будет основана на отзывах студентов, а также экспертном анализе видеозаписей занятий, семинаров, лабораторной работы. Те, кто преуспел в преподавании, также наконец удостоятся признания и различных наград.

«Международный университет» как будущее высшего образования?

Ханс де Вит

Ханс де Вит — директор Центра интернационализации высшего образования Католического университета Святого Сердца в Милане (Италия), профессор, специалист в области интернационализации высшего образования в Амстердамском университете прикладных наук (Нидерланды). E-mail: j.w.m.de.wit@hva.nl.

За последние годы в высшем образовании появился целый ряд новых терминов: global citizenship, «комплексная интернационализация», «университет мирового класса». Об этих явлениях написано уже множество книг и статей; эти термины используются авторами мировых, региональных и национальных университетских рейтингов, а также руководителями вузов и чиновниками по всему миру. Тем не менее на сегодняшний день не существует точного понимания этих терминов, а есть только предположения и интерпретации или признаваемые далеко не всеми подходы к их определению.

Похоже, одно из таких новомодных словосочетаний — это «международный университет». Оно упоминается в мировом рейтинге Times Higher Education за 2015 год, а также в рейтинге U-Multirank, где 237 вузов оценивались с точки зрения того, насколько они международно ориентированы. Подход U-Multirank отличается от подхода Times Higher Education тем, что в нем речь идет не о «международном университете», а о «международной ориентации», но в любом случае это свидетельствует о том, что попытки сформировать понятие «международный университет» стали устойчивым трендом.

Упомянутые только что рейтинги имеют примерно одинаковую цель и опираются на более или менее схожие количественные показатели. Рейтинг Times Higher Education учитывает количество международных студентов и преподавателей, а также статей, написанных в соавторстве с представителями вузов разных стран. Рейтинг U-Multirank учитывает четыре схожих показателя: уровень входящей и исходящей мобильности, долю иностранцев среди преподавателей и аспирантов, а также количество написанных в международном соавторстве статей. Но позволяет ли это определить, является ли университет на самом деле международным? И будет ли использование такого небольшого количества индикаторов достаточным для того, чтобы сделать подобные выводы?

Если мы соглашаемся, что интернационализация — это не самоцель, а важный процесс, в результате которого качество образовательной, научной и общественной деятельности растет, как четко описать конечный результат этого процесса — «международный университет»? В условиях, когда не существует единой модели интернационализации, не ясно, как формировать единое понимание того, что должен представлять собой международный университет.

Джейн Найт недавно написала статью о том, что такое международный университет, которая вошла в ежегодный доклад Организации экономического сотрудничества и развития «Высшее образование сегодня» (The State of Higher Education) за 2014 год. В начале своей статьи она пишет, что консенсуса относительно того, что такое международный университет, нет. Более того, она утверждает, что этот термин вообще не важен, а важен используемый подход и модель. Найт выделяет три «поколения» международных университетов: 1) университеты с высоким уровнем интернационализации, большим числом зарубежных партнеров, а также преподавателей и студентов, которые ведут множество совместных международных проектов; 2) университеты, у которых есть различные филиалы, в т.ч. филиалы исследовательских и проектных/управленческих центров; 3) новое явление — самостоятельные вузы, основанные в результате совместной работы двух или более университетов из разных стран. Однако эта типология совершенно не учитывает такой показатель, как уровень внутренней интернационализации. К тому же первая категория настолько широка, что она никак не помогает выделить понятие международного университета. Возможен даже обратный эффект: допустим, вуз заявляет, что он попадает в одну из этих категорий, — и все, это международный университет. На мой взгляд, лучше было бы сказать, что к первой группе относятся вузы, достигшие успехов на поприще международной кооперации, ко второй — активные в международном пространстве вузы, а к третьей — просто те, чья повседневная деятельность осуществляется на международном уровне в силу объективных причин.

Я боюсь, что в будущем количество университетов, которые будут указывать в своих миссиях и стратегиях факт того, что они являются международными, при этом не объясняя, что они имеют в виду, а просто ссылаясь на рейтинги вроде Times Higher Education и U-Multirank, будет расти. Но на самом деле университетам не стоит поддаваться на эту приманку и подхватывать, казалось бы, привлекательные, но на самом деле расплывчатые термины, а нужно сосредоточиться на повышении качества своей работы. Однако, как это уже не раз случалось в других ситуациях, мы вряд ли сможем их остановить.

.....

Устойчивость и доступность высшего образования: есть ли какое-то чудодейственное средство?

Эллен Хэйзелкорн

*Эллен Хэйзелкорн — советник по стратегическим вопросам Управления высшего образования Ирландии, директор Центра исследований высшего образования Дублинского технологического института.
E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie.*

Ландшафт высшего образования во всем мире пережил значительные трансформации. Изменения были связаны главным образом с повышением спроса на высшее образование. Двадцать лет назад, когда выходил первый выпуск этого бюллетеня, в мире насчитывалось примерно 68 млн студентов. Сегодня количество студентов достигло почти 196 млн, а к 2030 году, по прогнозам, их будет почти 430 млн. В странах — участницах ОЭСР за этот период процент молодых людей, посещавших вуз в возрасте 20–29 лет, вырос в среднем на 10%, а в некоторых государствах (Дании, Финляндии, Греции, Исландии) — более чем на 40%. Так как глобальный рынок труда продолжает стремительно меняться, люди будут тратить все больше времени на получение образования. Все это говорит о том, что мы быстро становимся обществом с высоким уровнем гражданского участия, большинство членов которого достаточно хорошо образованы, так как именно высшее образование напрямую влияет на жизнь людей и общества в целом.

Тем не менее по иронии судьбы, в то время как общества становятся все более зависимыми от высокообразованных граждан, стоимость становления человека как активного игрока глобальной экономики также растет. Некоторые страны могут себе позволить увеличить объем бюджетного финансирования, выделяемого на нужды образования, или по крайней мере поддерживать его на прежнем уровне, однако страны с высоким уровнем государственного и частного долга и негативным отношением общества к повышению налогов и стоимости государственных услуг не справляются с давлением. Это приводит к ситуации, когда объем государственных расходов в расчете на одного студента падает, а спрос на образование продолжает расти. В целом, согласно данным ОЭСР за 2013 год, если в 1995 году деятельность вузов на 77% обеспечивалась за счет государственных средств, то в 2013 году — уже на 68%.

То, о чем я пишу, вряд ли удивит аудиторию этого издания. Важнейшей задачей следующих двух десятилетий, когда госфинансирование продолжит сокращаться, а глобальная конкуренция — расти, является поддержание общего уровня качества высшего образования по всему миру.

Гонка за места в международных рейтингах только усугубит и без того существующее неравенство. Сто ведущих университетов составляют менее 0,5% от общего числа вузов в мире, которое достигло почти 18 000. На них приходится лишь около 0,4% всех студентов. Спрос на образование растет, и вузы становятся все более избирательными. Это происходит потому, что общее количество студентов увеличивается, а число студентов в университетах первой сотни остается примерно таким же. Таким образом, доля студентов лучших университетов с каждым годом сокращается.

В стремлении найти баланс некоторые страны решают сконцентрироваться на поддержке немногочисленных «университетов мирового класса» в надежде на то, что изменения, которые в них произойдут, впоследствии повлияют и на другие вузы. Некоторые государства, к числу которых относится одна из самых успешных стран мира Финляндия, выбрали стратегию создания «образовательной системы мирового класса», что позволяет распространять успешный опыт инициатив академического превосходства сразу на все университеты.

Как соблюсти баланс между тем, чтобы, с одной стороны, дать возможность большинству граждан быть образованными, творческими, предприимчивыми личностями, а с другой — сохранить конкурентоспособность страны в мировом научном пространстве? Неужели нынешняя модель массового высшего образования себя исчерпала? Может быть, говоря о распределении расходов, на самом деле мы говорим о перераспределении долговых обязательств?

От мягкой силы к интеллектуальной дипломатии

Джейн Найт

Джейн Найт — лектор Института образовательных исследований провинции Онтарио, Университет Торонто, Канада. E-mail: janeKnight@sympatico.ca.

В политическом контексте международное высшее образование неразрывно связано с понятием «мягкая сила». Это понятие, впервые введенное Джозефом Наем около десяти лет назад, как правило, понимается как возможность влиять на других и реализовывать национальные интересы путем диалога и убеждения,

а не с использованием агрессии, военной силы или экономических санкций, которые понимаются как жесткая сила.

Многие представители академического сообщества рассматривают мягкую силу как фундаментальное условие существования современных международных образовательных инициатив. Общеизвестными примерами использования мягкой силы в высшем образовании являются программы Фулбрайта, Британского совета и Германской службы академических обменов, проект «Эразмус Мундус» и др. Очевидно, что все это примеры уважаемых программ с хорошей историей, которые вносят огромный вклад в развитие данной идеи.

Но почему же мы называем их инструментами мягкой силы, когда их суть состоит в поддержке студенческой и преподавательской мобильности, культурного и научного обмена, развития экспертного сообщества? С одной стороны, они интересны сами по себе, с другой — полезны и выгодны всем участникам. Международное высшее образование традиционно рассматривается не как игра, в которой есть победители и проигравшие. Оно фокусируется на развитии взаимодействия и создании условий для укрепления отдельных институтов и стран. При этом важно, что полученные в результате блага распределяются между разными партнерами и странами.

В современном мире, где все взаимосвязано, высшее образование способствует развитию международной мобильности, обмену знаниями, ценностями, инновациями, технологиями, культурой, а также экономическому развитию. Но почему, хоть мы и говорим о мягкой силе, мы все равно прибегаем именно к силовой парадигме? Могут ли действия, направленные на достижение собственных интересов, доминирование, усиление конкуренции, стать эффективными инструментами борьбы с такими мировыми проблемами, как эпидемии, терроризм, распад государств, бедность, глобальное потепление? Ответ — нет. Это заключение сделано на основании того, что ни одна из мировых проблем не может быть решена отдельно взятой страной в одиночку.

Альтернатива силовой парадигме находится в дипломатическом поле. Дипломатия обычно понимается как процесс управления международными отношениями и сфокусирована на переговорах, медиациях, партнерствах, компромиссах, фасилитациях. Это совершенно другие подходы и тактические приемы, нежели доминирование, власть, управление, контроль, которые свойственны силовой парадигме. Может быть, парадигма интеллектуальной дипломатии более подходит задачам высшего образования, чем парадигма мягкой силы?

Знания — это фундамент современного мира, в котором все взаимосвязано. Новые информационные и коммуникационные технологии, прошедшие эволюцию от киберпространства до big data информационного пространства и до интеллектуального пространства, в котором происходит переработка знания, дают высшему образованию новые возможности, но одно-

временно несут и новые проблемы. В любом случае нельзя отрицать, что знание может привести к дисбалансу сил внутри стран. Опыт показывает, что на международном уровне высшее образование и знания становятся инструментами мягкой силы. Альтернативный подход — стратегия сотрудничества и медиации, свойственная дипломатии, — требует серьезной предварительной проработки.

Сейчас у международного образовательного сообщества есть возможность перейти от развития экономики знаний к проактивной позиции использования знания на благо мирового сообщества ради решения глобальных проблем и борьбы с неравенством. Для этого участникам процесса нужно признать и принять интересы других участников. Готово ли образовательное сообщество стать флагманом развития интеллектуальной дипломатии и выйти за рамки парадигмы мягкой силы, где каждый руководствуется лишь собственными интересами и стремится к доминированию?

Поддержание качества высшего образования в условиях массовизации: возможно ли это?

Марселу Кнобель

Марселу Кнобель — профессор Института физики им. Глеба Ватагина Государственного университета Кампинаса (Unicamp), штат Сан-Паулу, Бразилия. E-mail: knobel@ifi.unicamp.br.

В последние сорок лет в университетах всего мира увеличивалось количество студентов. Скорее всего, этот рост продолжится и в следующие два десятилетия. Ожидается, что в 2030 году в мире будет около 400 млн студентов (против примерно 100 млн в 2000 году). Возможно ли в условиях такой массовизации образования обеспечить хотя бы минимальные стандарты качества?

Разные страны и регионы находятся на разных стадиях развития образовательной системы. Общая доля студентов в каждом государстве зависит от уровня его экономического и социального развития, истории, выбранного политического курса. Одни страны все еще не могут обеспечить заинтересованной молодежи возможность получения высшего образования, в других основной проблемой является старение населения и/или сокращение господдержки.

Например, всем странам латиноамериканского региона свойственно огромное социальное неравенство. Для экономического развития этих стран и усиления

социальной мобильности необходимо повышение численности как обучающихся в университетах, так и тех, кто их успешно оканчивает. Это особенно актуально, в частности, для представителей неблагополучных социально-экономических слоев населения, меньшинств, коренных народностей, а также людей африканского происхождения. За последние сорок лет в этом направлении достигнут довольно большой прогресс, так как численность студентов выросла с 1,6 млн в 1970 году до 20 млн в 2009 году. На сегодняшний день доля учащихся среди молодежи составляет примерно 30%, то есть этому показателю есть куда расти. Кроме того, наблюдающийся прирост отнюдь не равномерен в различных группах населения.

Источники финансирования высшего образования — правительство, студенты и их семьи или коммерческие компании — напрямую влияют на его качество. Например, если вуз нацелен на извлечение прибыли, качество его образовательных программ часто вызывает множество вопросов. К сожалению, соображения краткосрочной финансовой выгоды нередко отвлекают от реализации долгосрочных планов, в результате чего страдают инфраструктура, уровень подготовки преподавателей, образовательные стандарты и, соответственно, качество обучения. Кроме того, несмотря на то что развитие коммерческих вузов призвано во многом удовлетворить массовый спрос на образование, власти часто уделяют очень мало внимания тому, что предлагают и как учат такие вузы.

Одна из основных проблем, которые несет за собой массовизация высшего образования, состоит в том, что у многих студентов наблюдаются значительные пробелы в образовании; соответственно, необходимо находить подходы к обучению неоднородных групп. Вузы должны развивать образовательные программы с расчетом не только на то, чтобы обеспечить доступность высшего образования для населения, но и на то, чтобы каждый студент имел шанс успешно окончить программу и получить диплом, то есть на снижение процента отсева. Конечно, все это должно быть сделано без ущерба для качества образования.

Государственная политика должна быть сформирована таким образом, чтобы обеспечивать повышение доступности высшего образования для социально и экономически неблагополучных слоев населения, создание и поддержание надежной системы контроля качества, стимулирование многопрофильных вузов и разработку новых, справедливых механизмов распределения финансирования. Единое решение отыскать сложно, однако каждая страна должна постараться найти подходящий баланс между уровнем финансирования, доступности и качества высшего образования. В долгосрочной перспективе стабильно развивающаяся система высшего образования — это залог экономической и социальной устойчивости любой страны.

Не попадитесь на удочку

Дэниел К. Леви

Дэниел К. Леви — заслуженный профессор Университета штата Нью-Йорк, Университет Олбани, Нью-Йорк. E-mail: dlevy@albany.edu.

Для того чтобы ответить на вопрос об основной задаче высшего образования на ближайшее будущее, нужно обладать изрядным чувством юмора, так что я подумал и решил перефразировать американского комика Граучо Маркса: «На этот вопрос мог бы ответить четырехлетний ребенок, а то я совсем запутался!» Или, может быть, мне удастся избежать этой пытки, назвав этот вопрос неоправданным или сославшись на то, что ответа на него не существует? Однако после получения любезного приглашения написать материал для этого номера такой ответ был бы невежливым. Многим из нас действительно интересно узнать о том, что думают коллеги, которые всю жизнь профессионально занимаются исследованиями в области высшего образования.

В связи с этим, дорогой читатель, мне придется сделать небольшое отступление и поделиться с тобой своей профессорской болью. Изначально вопрос состоял в том, чтобы сформулировать основные задачи в области высшего образования на ближайшее время, без уточнения о том, идет ли речь о собственно интересах образовательной системы или о ее роли в обществе. Рассуждать о том, что это практически одно и то же, могут сейчас разве что президенты университетов и пронырливые политики, которые всегда хотят найти какое-нибудь «волшебное решение». Как вообще можно однозначно ответить на поставленный вопрос, если, с одной стороны, у нас социальные, экономические и политические реалии, различия в уровне развития стран, их интересах и ценностях, а с другой — система высшего образования с ее разнообразными функциями? Однако многие мои коллеги, возможно, и сформулируют единый ответ, если они будут иметь в виду только исследовательские университеты, однако я не смог бы спокойно спать, если бы написал единый ответ и предложил общий для всего многообразного образовательного пространства план действий.

Что сейчас действительно нужно образовательному сообществу, так это перестать хотя бы частично следовать за заманчивыми, такими привлекательными, но идеалистическими идеями. Естественно, мы отказываемся от хитрых и гнусных предложений, и если нам пытаются их навязать, то мы упираемся руками и ногами. Но даже если нам предлагают что-то, что кажется привлекательным и заслуживающим интереса, его обычно подают под приторным соусом «многочисленных преимуществ», которые оно нам якобы несет. Предугадать реальные результаты того или иного решения сложно.

К сожалению, напыщенные идеи прошлого по-прежнему популярны: о том, как повышение финансирования вузов сразу же подтолкнет экономическое развитие, о том, как расширение доступа к высшему образованию для различных групп населения сразу же восстановит справедливость в обществе и принесет другие блага, о том, как увеличение госвливания поможет достижению прогрессивных обоюдных целей. Теперь, ко всему прочему, еще везде заговорили о создании университетов мирового класса, а также о пользе развития различных органов по контролю качества образования и систем оценки и о пользе поддержки массовых открытых онлайн-курсов или дальнейшего стимулирования рыночной конкуренции.

Не подумайте, что это гневная тирада человека, запершегося в башне из слоновой кости, против чужаков. Мой ответ заключается в следующем: нам нужны новые смелые и конкретные идеи и предложения, которые бы исходили как от членов академического сообщества, так и от экспертов в области высшего образования. Нельзя сказать, чтобы я полностью доверял им в решении такого важного вопроса, как формулирование перспективных задач высшего образования, но они точно заслуживают большего доверия, чем всякие гуру и умники, которые вообще не принадлежат к академическим кругам.

Стабильная ресурсообеспеченность

Саймон Марджинсон

Саймон Марджинсон — профессор международного высшего образования Института образования Лондонского университета, Великобритания. E-mail: S.Marginson@ioe.ac.uk.

Очень приземленная, но основная, на мой взгляд, задача высшего образования на ближайшие 10 лет — устойчивое обеспечение ресурсами. Ее корни уходят в историю взаимодействия вузов и государства.

Любая современная система высшего образования представляет собой результат реализации определенной стратегии построения государства. Вплоть до сегодняшнего дня правительства большинства стран так или иначе оплачивают подавляющую часть текущих расходов вузов, а также выделяют средства на содержание инфраструктуры. Благодаря бюджетным вливаниям численность людей, получивших возможность поступить в вуз, растет, а вместе с этим растет и социальная мобильность. Государство также является основным источником финансирования науки, что подчеркивает несостоятельность рыночных механизмов

регулирования общественных благ. Однако сейчас положение дел во многих странах меняется. Наука по-прежнему зависит от государственной поддержки, и многие страны стремятся сконцентрировать свои ресурсы, для того чтобы повышать национальную конкурентоспособность. А вот преподавание может быть как общественным, так и частным благом.

В странах с уровнем дохода выше среднего доля населения, имеющего высшее образование, достигла 50%. Диплом о высшем образовании стал своего рода обязательным пропуском, обеспечивающим определенный социальный статус и доступ к хорошим вакансиям. Многие представители среднего класса (а в некоторых странах — и не только среднего) уже практически не могут позволить себе не отправлять детей в вуз. Конечно, общество выражает недовольство постоянно растущей стоимостью обучения, но в глубине души все знают, что, даже если им придется самостоятельно платить за учебу, их дети должны получить высшее образование. Опасения, что прокатившаяся из-за кризиса 2008 года волна бюджетных сокращений приведет к снижению численности новых студентов, не оправдались, так как на практике вышло наоборот: рост численности студентов в мире никогда не был таким устойчивым. Некоторые страны действительно заметили эластичность спроса в этот период, однако в целом кризис показал, что они могут без каких-либо политических последствий продолжать сокращать расходы на высшее образование и даже повышать плату за обучение, так как спрос на образование в долгосрочной перспективе не снизится. А значит, все самое плохое еще только впереди, и государства продолжают снижать объемы бюджета на высшее образование. Так как возможность реализации общественной миссии университетов всегда была связана с государственным финансированием, вопрос о том, что произойдет с общественным характером высшего образования в этих условиях, остается открытым. Стоит ли ожидать, что, лишившись значительной доли финансирования, вузы смогут продолжать поддерживать высокое качество образования и содействовать социальной мобильности?

В странах, где доля людей с дипломом высока, вопрос доступности высшего образования уже неактуален. Вместо этого встает вопрос о том, что получают те, кто поступил в вуз? При прочих равных перекалывание расходов на плечи частного сектора ведет к расслоению вузов по качеству преподавания, а значит, и к социальному расслоению, потому что позволить себе обучение в ведущих университетах могут разве что наиболее успешные представители среднего класса. Основная проблема заключается в том, что самоустранение государства с образовательного рынка ведет к параличу системы массового высшего образования в силу падения качества, и образование перестает играть роль социального трамплина. Многие студенты бросают учебу в коммерческих вузах, и дипломы этих вузов не котируются на рынке труда. Более

чем в двух третях всех стран мира наблюдается рост экономического расслоения населения. Если вузы начинают способствовать усугублению социальной стратификации и препятствовать расширению доступных людям возможностей, это говорит о том, что они потеряли свой моральный фундамент, а высшее образование перестало быть общественным благом. Это означает, что оно превращается в препятствие, которое должно быть устранено. К этому ли мы стремимся?

Высшее образование в Китае в ближайшие два десятилетия

Вэйфан Минь

Вэйфан Минь — профессор и директор Института высшего образования Пекинского университета, бывший вице-президент ПУ. E-mail: wfmin@pku.edu.cn.

Один из наиболее заметных трендов высшего образования в последние 20 лет — это его стремительное расширение. В 1995 году в мире было 79 млн студентов, включая 5,2 млн в Китае. В 2012 году их было уже 196 млн и из них 32,6 млн в Китае, т.е. соответственно в 2,5 и 6,2 раза больше. Китай является родиной наиболее быстрорастущей системы высшего образования в мире.

Однако государство не успевало за этими преобразованиями, а качество начало отставать от количества, в результате чего мы стали наблюдать переполненные классы и лаборатории, сокращение доступного оборудования и библиотечных фондов в расчете на одного студента и, наконец, снижение качества образования. Так как многие вузы увеличили прием на мало-затратные программы (литература, история), вместо того чтобы поддержать инженерно-технические и естественнонаучные факультеты, профильный срез выпускников перестал отвечать рыночным требованиям. Многим выпускникам оказалось трудно найти работу. Осознав, что система расширяется слишком быстро, в 2012 году Министерство образования Китая выпустило документ, целью которого было сбалансировать национальную приемную кампанию. Однако в силу растущего в обществе спроса на высшее образование расширение системы продолжилось. В 2013 году китайские вузы зачислили уже 34,5 млн абитуриентов. По прогнозам, к 2020 году их число превысит 40 млн. В настоящее время китайская система высшего образования характеризуется как «крупная, но не очень сильная».

Таким образом, основная задача Китая на ближайшие двадцать лет — найти баланс между количественным приростом и поддержанием высокого качества образования, чтобы сделать китайскую систему «крупной и сильной». Это непростая задача. С одной стороны, Китай должен продолжить расширение системы, потому что спрос на высшее образование растет, с другой — необходимо изменить его структуру и повысить качество, для того чтобы выпускники могли соответствовать требованиям, предъявляемым к сотрудникам, работающим в условиях изменяющейся экономической ситуации. Для этого необходимо принять целый ряд стратегических мер. Для начала нужно прекратить увеличивать численность студентов, для того чтобы численность выпускников университетов стала соответствовать потребностям экономики.

Раньше эти проблемы практически не обсуждались. Но, к примеру, летом 2015 года китайские вузы выпустят 7,5 млн новых специалистов, что в условиях замедления экономического роста означает еще большее осложнение ситуации на рынке труда. Во-вторых, необходимо повышать качество высшего образования, что требует увеличения объема госфинансирования, совершенствования системы аккредитации вузов, повышения уровня профессиональной подготовки преподавательских и административных кадров, разработки системы контроля. В-третьих, институциональный изоморфизм должен быть трансформирован за счет создания системы, позволяющей дифференцировать вузы по уровню и типу в соответствии с потребностями рынка труда и общества. В-четвертых, необходимо использовать информационные технологии для распространения лучших образовательных материалов, например записывая курсы ведущих преподавателей и делая их доступными онлайн. В-пятых, нужно развивать и поддерживать международные программы обмена и сотрудничества, такие как Шанхайский филиал Нью-Йоркского университета.

Безработица среди выпускников вузов в странах Африки

Гулям Мохамедбхай

Гулям Мохамедбхай — бывший генеральный секретарь Ассоциации африканских университетов. E-mail: g_t_mobhai@yahoo.co.uk.

Центральная и Западная Африка — регион, в котором доля населения, получающего высшее образование, едва дотягивает до 8%, что является самым низким показателем в мире. Осознавая значение высшего

образования для национального социально-экономического развития и учитывая растущий спрос, руководство многих африканских стран, несмотря на многочисленные сложности и проблемы, начало принимать меры по повышению доступности высшего образования. Во многих странах численность студентов увеличилась в несколько раз. Соответственно, на рынке труда появилось больше людей с дипломом о высшем образовании. Однако неожиданно для всех уровень безработицы среди них начал расти, причем практически по всей Африке. В некоторых странах он уже достиг тревожных значений. Высокий уровень безработицы среди образованной молодежи может привести к весьма серьезным социальным и политическим последствиям, как показала «арабская весна» 2011 года, прокатившаяся по северу континента.

Причины этой безработицы известны. Во-первых, расширение приема в государственные вузы не было обеспечено соответствующими финансовыми, материальными и человеческими ресурсами и проходило по принципу «увеличение количества за счет качества». Это напрямую сказалось на качестве обучения. Но потенциальному работодателю интересен не столько хороший диплом, сколько набор качеств и относящихся к работе с людьми навыков, которыми подавляющее большинство бывших студентов не обладает. К тому же вузы существуют во многом отдельно от общества — от коммерческого и промышленного сектора, государственных органов и тем более от сельских регионов, — так что они оказываются практически отрезаны от рынка труда.

Однако нельзя сваливать всю вину на вузы, ответственность за нынешние проблемы в равной степени несут и другие игроки. Частный сектор, являющийся основным работодателем для образованной молодежи, в качестве одного из направлений социальной ответственности просто обязан развивать систему краткосрочных стажировок для студентов и программы дополнительного профессионального обучения, включая обучение навыкам работы с людьми, а также взять на себя расходы по финансированию этих программ. Крупнейшие частные компании Африки принадлежат иностранным инвесторам, но они обязаны давать преимущество при трудоустройстве выпускникам местных вузов.

Система высшего образования в большинстве стран Африки не диверсифицирована и не отвечает многообразным запросам современного общества. Так, в силу политических причин руководители многих стран просто «клонировали» существовавшие ранее вузы или переименовали колледжи и политехнические институты в университеты, не создавая, таким образом, новых учебных заведений. Кроме того, анализ рынка труда показывает, что наибольшим спросом пользуются выпускники программ профессионально-технического, практико-ориентированного образования, а не выпускники университетов, прошедшие обучение по академическим программам.

Африка — самый быстрорастущий регион как с экономической, так и с демографической точки зрения. Это регион с самым молодым населением в мире и с самым большим спросом на образование. Регион, остро нуждающийся в высококвалифицированных кадрах, которые смогут обеспечить устойчивый экономический рост. А это означает, что высшее образование должно расширяться и дальше. Однако мало просто подготовить специалиста, необходимо также обеспечить его работой соответствующей квалификации. То есть африканские страны должны разобрататься со своей главной проблемой — безработицей выпускников университетов. Необходимо, чтобы в каждой стране как на национальном, так и на институциональном уровне была выработана четкая стратегия по решению этой проблемы и соответствующий план действий. Помимо этого, опираясь на надежные и актуальные статистические данные, которых на сегодняшний день практически нет, преобразовать нынешнюю систему образования таким образом, чтобы она могла играть ключевую роль в преодолении основных проблем развития и превращении африканского континента в глобальный экономический полюс притяжения.

Опасность игнорирования общественной пользы высшего образования

Кристина Мусселен

Кристина Мусселен — проректор по науке Института политических исследований (SciencesPo), Париж. E-mail: christine.musselin@sciencespo.fr.

Одно из основных предположений, поддерживающих расширение высшего образования, состоит в том, что оно несет большую пользу для общества. Подтверждением правильности этой идеи является экспоненциальный рост численности студентов, наблюдавшийся на протяжении XX века. Действительно, ряд исследований показывают, что высокообразованные люди больше получают, лучше живут, более здоровы и более открыты всему новому.

Основная задача на ближайшие десятилетия — отстаивать эту позицию и убедить общество в том, что роль образования не ограничивается созданием человеческого капитала, что оно также служит решению важных социальных задач. Знания важны не только для развития экономики, но и для общества в целом.

В последнее время политики и лидеры развитых стран все чаще делают акцент на новых знаниях и инновациях, необходимых для экономического прогресса, но забывают или пренебрежительно относятся к социальной функции, которую выполняет высшее обра-

зование. Развитые страны сформулировали основную задачу образования эпохи экономики знаний как подготовку более квалифицированных кадров, способных производить и использовать новые знания. Идея о том, что требования работодателей важнее, чем то, что преподается в вузах, стала общепринятой.

Я вовсе не хочу сказать, что вузы не должны готовить студентов к выходу на рынок труда или что они не должны заниматься актуальными для экономики исследованиями. Однако это не значит, что они могут отказаться от других задач и перейти исключительно на преподавание практико-ориентированных специальностей, перестать заниматься чисто теоретическими исследованиями и отказаться от дисциплин, которые не несут в себе прямой экономической пользы.

Проблема приобретает особую остроту, так как, к сожалению, начали расцветать мракобесие, невежество, нетерпимость и фанатизм. Недавние события в Европе, ужасные конфликты в различных странах Африки и Ближнего Востока, гражданская война на Украине — все это только подтверждает тот факт, что вузы просто обязаны отстаивать гуманистические ценности и делать особый акцент на подготовке социально ответственных и сознательных граждан. Реализация этой миссии не сможет предотвратить все дурные поступки и извращения. Иногда хорошо образованные люди становятся такими же неуправляемыми фанатиками, как и необразованные, но тем не менее, как правило, высшее образование выполняет эту положительную функцию. В этой связи роль высшего образования нельзя недооценивать, и даже наоборот — ее нужно укреплять. В условиях современной образовательной политики, ориентированной на реализацию экономической и практической пользы вузов, сделать это может быть отнюдь не просто. Однако если мы хотим, чтобы университет по-прежнему оставался центром защиты и распространения знаний и гуманистических ценностей, в ближайшие десятилетия необходимо начать эту битву и идти до победного конца.

Злоупотребление университетами

Патти МакГилл Питерсон

Патти МакГилл Питерсон — советник по вопросам интернационализации и глобальному взаимодействию при президенте Американского совета по образованию и бывший президент Совета по международным академическим обменам, Программа Фулбрайта. E-mail: PPeterson@acenet.edu.

Мы живем в такое время, когда понимание миссии и следование ее принципам является фундаментальной основой процветания организации. На мой взгляд, основные проблемы высшего образования связаны

с увеличением круга стейкхолдеров, каждый из которых ставит перед ним новые задачи и тем самым влияет на реализацию его основной миссии.

Когда в 1850-е годы английский кардинал Джон Генри Ньюмен писал об университетах, он стремился определить не только их образовательные задачи, но и общественные функции. В центре его представления о системе высшего образования находился студент и благоприятная для обучения среда. В концепции Ньюмена университеты были связаны с обществом, но не зависели от него напрямую.

Примерно на сто лет позже экономист Кларк Керр говорил о том, что разнообразие возможностей университета перевешивает его первоначальную идею. Он писал о так называемом мультиверситете — многоцелевой организации, которая является площадкой для развития даже противоборствующих друг с другом идей. По Керру, в университете так много людей, обладающих собственным представлением о том, что должно происходить в его стенах, что там практически постоянно должна идти своего рода гражданская война.

Противопоставление Ньюмена и Керра — это не просто ностальгия по прошлому. Оно сигнализирует, что общественные требования по отношению к вузам и системе высшего образования многократно возросли. Вузам все чаще приходится играть роль своеобразной волшебной палочки, которой машут, когда правительство допустило ошибку и бизнес, промышленность, доноры или другие стейкхолдеры требуют решения какой-то проблемы.

В подобной ситуации вузам сложно придерживаться первоначального курса и стратегически планировать развитие. Вузы чувствуют себя подобно Наполеону в России: линия наступления слишком велика, а линия снабжения слишком коротка.

Все чаще говорят о том, что все вузы, а не только те, которые предлагают профессионально-техническое образование, несут ответственность за соответствие образовательной программы требованиям рынка и за трудоустройство выпускников. Это влечет за собой все большее повышение практико-ориентированности бакалаврского образования.

Разработка образовательных программ в соответствии с сиюминутными интересами представляет угрозу для высшего образования. В долгосрочной перспективе подгонка учебных планов под актуальные требования рынка труда и подготовка студентов под конкретные задачи могут вызвать хроническую безработицу. Развитие глобализации и прогресса могут привести к закрытию целых заводов и свертыванию отдельных отраслей промышленности, а значит, узкоспециализированные выпускники университетов, подготовленные для работы в этих отраслях, окажутся на обочине экономики.

Необязательно возвращаться к идее Studium Generale, чтобы соответствовать истинным целям высшего образования, однако необходимо понять, как сбалансировать сиюминутное и вневременное, полезное сегодня и в долгосрочной перспективе. Думая о будущем,

необходимо понять, что значит «полезность» с точки зрения исполнения вузами обязательств перед студентами и обществом. Если их основная задача — дать студентам такое образование, которым они будут пользоваться на протяжении всей жизни, то их полезность будет подразумевать помощь в развитии интеллекта, помогающего жить жизнью, приносящей внутреннее удовлетворение, а также способности быть просвещенным гражданином и умения продуктивно строить карьеру на разных должностях и в разных сферах.

Конечно, от лучших университетов и образовательных систем будут ждать помощи в решении общественно значимых проблем. Однако их задача состоит в том, чтобы справиться со всеми этими проблемами, не потеряв то, что когда-то сделало их великими.

Высшее образование в Китае: задачи на ближайшее будущее

Джерард А. Постильоне

Джерард А. Постильоне — заведующий кафедрой социологии и образовательной политики факультета образовательных наук Гонконгского университета, Китай. E-mail: postiglione@hku.hk.

До 2020 года основным вопросом для высшего образования Китая является вопрос о том, станет ли эта страна основным игроком международного образовательного пространства, экспортирующим уникальную модель университетов, или, наоборот, незначительным? Актуальность этого вопроса просматривается в заголовках вышедших в последнее время книг: «Когда Китай завоюет мир», «Постамериканский мир и становление неамериканских стран», «XXI век — век китайского господства?».

Китай шаг за шагом стремится к тому, чтобы стать крупнейшей мировой экономикой, однако наблюдаемое замедление экономического роста вызывает опасения за судьбу высшего образования. Китай уже обучает больше студентов, публикует больше научных статей и выделяет больше денег на исследования, чем любая другая страна мира, за исключением США. Несколько лидирующих китайских университетов уже вошли в рейтинги университетов мирового класса, однако система в целом пока мало соответствует индикаторам качества. В целом китайское высшее образование ждет хорошее будущее: согласно результатам исследования, проведенного ОЭСР в 60 странах, китайские школьники лучше всех успевают по математике и естественным наукам.

В то время как в Китае продолжают дискуссии о том, как построить собственную уникальную модель

высшего образования, которая бы укладывалась в китайскую экономическую модель («Пекинский консенсус»), локальные идеи и предпринимаемые «на местах» усилия по развитию вузов не получают поддержки в условиях глобальной гонки за рейтингами. При этом преподавание в вузах ведется настолько скучно, что в прессе регулярно появляются публикации о том, что студенты просто спят на лекциях. Последние исследования показывают, что для того, чтобы как-то оживить занятия, многие преподаватели начинают критиковать правительство и коммунистическую партию, что приводит к призыву увеличить часы на изучение марксизма в вузах. В руководстве Китая понимают, что университеты — это не только площадка для производства и распространения знаний, но и орудие международной конкуренции. В настоящее время разрабатываются инициативы, призванные развить у китайских ученых, инженеров и математиков навыки межличностного общения, что должно помочь подтолкнуть инновации в промышленности и способствовать экономической глобализации страны. Однако проблема сейчас заключается в том, что массовизация высшего образования привела к росту безработицы среди выпускников вузов.

Положение, которое китайские вузы займут к 2025 году, зависит от того, насколько они смогут найти баланс между удовлетворением постоянно растущего внутреннего спроса и стремлением выйти на мировой рынок. Китайскому работодателю нужны специалисты с такими знаниями и навыками, которые смогут обеспечить промышленный рост; городским жителям и представителям среднего класса нужно, чтобы их дети имели определенный статус (который дает высшее образование); а сельские жители, мигранты и представители меньшинств хотят равенства возможностей, в том числе в области трудоустройства. Однако все это второстепенно по отношению к государственным задачам роста национального благосостояния, могущества страны, стабильности, единства. С одной стороны, государство подстегивает выход университетов на глобальную арену, с другой — настаивает на сохранении национального образовательного суверенитета, хотя очевидно, что вузам необходимо давать большую автономию.

К 2020 году численность дипломированных специалистов в Китае превысит численность всего работоспособного населения США. Отправляя в вузы США больше студентов, чем любая другая страна, Китай одновременно с этим также привлекает все больше иностранных студентов. Возможно, Эзра Фогель, профессор Гарвардского университета, прав, предполагая, что высвободившаяся в результате трансформации Китая в открытое государство и реформы высшего образования интеллектуальную энергию по силе и глубине можно сравнить с европейским Ренессансом. Однако вопрос о том, сможет ли Китай в 2020 году предложить уникальную и интересную другим странам систему высшего образования, остается открытым.

Обеспечение качества высшего образования: все стало сложнее

Лиз Райзберг

Лиз Райзберг — консультант по вопросам высшего образования в Reisberg&Associates.

E-mail: reisberg@gmail.com.

Раньше обеспечить качественное высшее образование было гораздо проще: достаточно было отобрать лучших студентов, дать им знания в какой-то научной области и выдать соответствующий диплом. Изменившиеся реалии размыли и само понятие качества, и подходы к его измерению.

Практически во всех странах резко возросла численность людей, поступающих в вузы. В целом это, безусловно, положительное явление как для развитых, так и для развивающихся стран, однако рост численности студентов означает, что разброс в уровне их подготовки также увеличивается. В большинстве случаев вузы сталкиваются с многочисленными проблемами в знаниях студентов, что не способствует их академической успеваемости. Вузам приходится либо тратить дополнительные ресурсы на адаптационные курсы, чтобы помочь отстающим (а это не просто, если нужно залатать дыры за все 12 лет школьного обучения), либо снижать требования, либо смириться с высоким уровнем отсева. Каждая из этих стратегий негативно отражается на качестве образования.

Растут и финансовые сложности, которые испытывают вузы. В странах, где обучение в государственных вузах бесплатно или почти бесплатно, возможности приема очевидно ограничены. Это ведет к увеличению количества частных и коммерческих вузов, призванных удовлетворить постоянно растущий спрос. Частные вузы зависят от оплаты, вносимой студентами и их семьями. Соответственно, им необходимо заполнять аудитории, для того чтобы оплатить расходы и заработать, в результате чего качество преподавания и обучения часто приносится в жертву финансовым целям.

Так как международное измерение качества все чаще является инструментом оценивания и сравнения вузов, многие из них предпочитают сэкономить время и заплатить сторонней организации, способной создать видимость улучшения используемых для этого индикаторов и быстро показать измеримые результаты. Расширение приема международных студентов также является важнейшим источником дохода. Привлечение третьих сторон к управлению вузами ведет к снижению стандартов деятельности, а также к распространению неэтичных практик.

Цели высшего образования тоже оказались довольно размытыми. В обществе растет уверенность в том,

что вузовское образование должно гарантировать выпускнику трудоустройство, а если выпускник университета не может найти работу, значит, он получил некачественное образование.

С одной стороны, от вузов требуют интенсификации научной деятельности с целью повышения их позиций в международных рейтингах, с другой — преподавателей для оценки достижений студентов заставляют четко формулировать «ожидаемые результаты учебной деятельности». В то же время преподавателям становится все сложнее получить постоянную или хотя бы долгосрочную позицию, растет количество преподавателей, работающих на условиях неполной занятости, а отсутствие необходимой инфраструктуры не позволяет им развиваться и соответствовать возлагаемым на них ожиданиям.

Таким образом, вопрос о том, что представляет собой качественное высшее образование, остается открытым. Могут ли вузы принимать абитуриентов с разным уровнем знаний и гарантировать, что все они будут подготовлены примерно одинаково, могут ли преподаватели одновременно успевать писать статьи для реферируемых журналов, отслеживать прогресс студентов и гарантировать, что все они смогут найти квалифицированную работу, и все это в условиях бюджетных сокращений? Разумеется, само понятие «качество» по-разному понимается разными людьми. Однако нынешняя реальность требует более строгого подхода к определению показателей качества высшего образования в соответствии с целями вузов. Очевидно одно: если мы хотим, чтобы вузы давали «качественное высшее образование», политики, работодатели и родители студентов должны снизить накал критики в их адрес и наконец взять на себя часть ответственности за финансовый и прочие аспекты обеспечения деятельности вузов.

Исследовательские университеты и проблемы нематериального характера

Генри Розовски

Генри Розовски — бывший декан отделения гуманитарных и естественных наук Гарвардского университета, ординарный профессор им. семьи Гайзер. E-mail: henry_rosovsky@harvard.edu.

Отвечая на этот вопрос, я буду говорить об исследовательских университетах, то есть вузах, которые уделяют особое внимание науке, об университетах, в которых обучаются бакалавры, магистры и аспиранты и

в которых преподают гуманитарные и естественные науки, юриспруденцию и медицину. Без подобных вузов система высшего образования нежизнеспособна.

Как я уже недавно писал на страницах этого бюллетеня, качество исследовательских университетов напрямую зависит от двух взаимосвязанных факторов — академической свободы и децентрализованного управления. Как происходит отбор руководителей университетов, преподавателей, студентов? Ограничивает ли государство преподавание каких-либо дисциплин или изучение каких-либо теорий? Кто имеет решающее слово в формировании программ обучения и направлений исследований? Коммунистическая партия Китая обвиняет Запад в том, что западные идеи играют слишком большую роль в образовании и науке; во многих арабских странах религиозные фундаменталисты не дают женщинам реализовывать свои таланты на благо общества; в США законодатели и инвесторы стараются протолкнуть интересные именно им научные задачи и т.д. Однако я пока не видел ни одного первоклассного исследовательского вуза, который существовал бы в условиях отсутствия академической свободы и децентрализованного управления.

Внесу ясность. Я вовсе не хочу сказать, что участвовать в управлении вузами могут только те, кто там работает, но мнение этих людей должно приниматься в расчет. Также необходимо подчеркнуть, что академическая свобода, то есть свобода преподавателей и студентов преподавать, учиться и получать новые знания, не подвергаясь необоснованным вмешательствам, — это вовсе не то же самое, что политическая свобода, хотя это, безусловно, очень близкие понятия. Однако проблемы существуют давно, и они очевидны.

Двадцать лет — это не так уж много, и можно предположить, что интеллектуальный климат не претерпит принципиальных изменений за такое короткое время. А это значит, что — вполне предсказуемо — возникает новая проблема: рост антиинтеллектуализма и упор на развитие профессиональных навыков и знаний. Я говорю о распространенном в США и во многих других странах мнении о том, что образование ради образования — это какое-то легкомысленное развлечение или даже излишество, потакать которому не стоит. С точки зрения студентов, образование получают ради того, чтобы впоследствии найти работу и построить карьеру. Поэтому образовательный план часто строится таким образом: бухгалтерское дело? — да; информатика? — конечно; Шекспир? — ну, если время останется. С точки зрения государства, «кадровые ресурсы должны соответствовать требованиям рынка труда». Фундаментальная наука получает поддержку, потому что изучение биологии, например, может привести к открытию какого-нибудь лекарства, особенно если речь идет о болезни, от которой страдает инвестор. Все это в какой-то мере разумно, но почему это обязательно должно означать, что социология, к примеру,

бесполезна или что не нужно выделять деньги на поддержку гуманитарных наук?

Конечно, мне известно, что в области высшего образования сейчас есть и другие, более очевидные проблемы: дороговизна содержания вузов, развитие технологий и распространение массовых открытых онлайн-курсов приводят к тому, что посещение университета становится необоснованной прихотью, и так далее. И я не отрицаю, что это важные проблемы, но я хочу сделать акцент на еще одной, о которой редко говорят, — проблеме «бескорыстного» обучения (можно также сказать — о гуманитарном образовании широкого профиля, в частности на уровне бакалавриата). Фундаментальным интеллектуальным прогрессом мы обязаны бескорыстным исследователям, которые иногда просто хотели решить какую-то задачу, которая вызывала у них неподдельный интерес и которой ранее никто не занимался. В социальных и гуманитарных науках, где сложно найти единственно верное решение, каждое поколение студентов и преподавателей должно по-новому смотреть на ключевые вопросы своей области. В этом и заключается интеллектуальная сущность исследовательских университетов.

«Умная интернационализация» — первоочередная задача XXI века

Лора Рамбли

Лора Рамбли — заместитель директора Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже. E-mail: rumbley@bc.edu.

Одна из наиболее значимых задач, которая будет стоять перед высшим образованием всего мира в ближайшие два десятилетия, — потребность в «умной интернационализации».

Интернационализация как ответ на глобализацию, как стратегия повышения качества образования и привлечения внимания или как ответ на трансформации, происходящие в других областях деятельности, представляет собой один из самых ярких феноменов последних лет, который оказывает влияние на высшее образование во всем мире. Интернационализация может рассматриваться одновременно и как причина, и как следствие развития глобальной экономики знаний. Помимо прочего, этот процесс отражает в той или иной мере все изменения, происходящие как на институциональном, так и на национальном уровне, и наши меняющиеся представления о том, что такое качественное современное высшее образование.

В большинстве случаев мобильность по-прежнему является центральным аспектом интернационализации, и растущие объемы студенческой мобильности во всем мире свидетельствуют о том, что эта тенденция в ближайшие годы будет развиваться. В то же время другие важные аспекты интернационализации также начинают привлекать внимание как политиков, так и профессионалов в области образования. Так, давно назревало обсуждение вопросов «внутренней интернационализации», развития международных межвузовских партнерств и развития навыков международной и межкультурной коммуникации среди членов профессорско-преподавательского и административного состава вузов.

Все это происходит на фоне небывалых, сложнейших перемен в области высшего образования. Вузы все чаще испытывают давление со стороны политической, экономической и социальной сферы, среди прочего от них теперь требуется быть «успешными», «инновационными», «реагировать на запросы времени», «растить новые кадры», «оценивать», «вести за собой». Все эти процессы неразрывно связаны с интернационализацией. Однако решение этих комплексных задач требует перехода к «умной интернационализации», которая бы опиралась на обширный объем теоретических и практических знаний, которые, в свою очередь, помогали бы понять развитие феномена интернационализации как на местном, так и на глобальном уровне. «Умная интернационализация» требует появления новых профессионалов-практиков, которые бы сотрудничали с учеными, законодателями и руководителями вузов, особенно заинтересованными именно в практической стороне реализации «глобальных стратегических задач», доминирующих в современных дискуссиях по вопросам интернационализации.

Во всем мире существуют центры и программы, предназначенные для подготовки профессионалов для высшего образования, многие из которых также занимаются вопросами интернационализации. Однако содержание проводимых ими исследований и предлагаемых образовательных программ не всегда понятно, а качество нередко оставляет желать лучшего. Связь между информационными потребностями и экспертными задачами, стоящими перед законодателями и практиками, и тем, что делают преподаватели и исследователи, зачастую отсутствует.

«Умная интернационализация» требует расширения взаимодействия между исследователями, практиками и стратегами. Те, кто занимается развитием интернационализации, должны иметь доступ к новым идеям, информации и новым профессиональным образовательным программам, чтобы научиться лучше ориентироваться в сложной и переменчивой образовательной среде, в которой все мы будем находиться следующие двадцать лет.

Быть или не быть университету мирового класса?

Джамиль Салми

Джамиль Салми — международный эксперт в области высшего образования. E-mail: jsalmi@tertiaryeducation.org.

С публикацией в 2003 году Шанхайского рейтинга, а затем и других международных рейтингов университетов — Times Higher Education, Тайваньского совета по аккредитации и оценки качества высшего образования, QS и других — появились системные подходы к идентификации университетов мирового класса. В результате этого правительства многих стран поставили задачу поиска эффективных методов быстрого развития лучших национальных университетов. В то время как некоторые государства, например Казахстан и Саудовская Аравия, приняли решение о создании новых сильных университетов с нуля, большинство стран выбрали комбинированную стратегию слияния и оптимизации деятельности уже существующих вузов.

С целью стимулирования трансформационного процесса в некоторых странах были запущены так называемые инициативы по повышению конкурентоспособности, которые предполагают выделение отдельным вузам дополнительного целевого финансирования и стимулирование их исследовательской деятельности. Подобные инициативы реализуются в основном в странах Европы и Восточной Азии.

Многие из этих инициатив академического превосходства демонстрируют значительные философские изменения в подходах к финансовому управлению в реализующих их странах. Так, во Франции, Германии и Испании все государственные вузы традиционно рассматривались как одинаково хорошие и качественные, а инициативы по повышению конкурентоспособности предполагают переход от единого принципа распределения бюджета к конкурентной системе финансирования высшего образования.

Оценить эффективность этих инициатив непросто, и тому есть как минимум две причины. Во-первых, трансформация университета может занять много лет. Так как многие инициативы только начали осуществляться, в большинстве случаев судить о результатах пока преждевременно. Во-вторых, сложно однозначно определить причинно-следственные связи. Даже если бы можно было выделить корреляцию между программами и достижениями университетов на основе большой выборки данных по многим вузам, обнаружение элементов такой связи потребовало бы глубокого разбора конкретных случаев.

Зато уже сегодня видно, какие риски несет в себе эта погоня за созданием вузов мирового класса. Излиш-

ний акцент на исследовательской работе как будто бы предполагает, что качество преподавания не имеет особого значения. Составители международных рейтингов отдают предпочтение исследовательским университетам и исключают прекрасные университеты, дающие бакалаврское образование. В США, например, все признают, что Уэллсли, Карлтон, Уильямс и Помона — первоклассные колледжи, где можно получить отличное гуманитарное образование, а вузы вроде Олин-колледжа выпускают прекрасных инженеров. Увлечение университетами мирового класса способствует дальнейшему разделению вузов на «элитарные» и «обычные». Ведущие вузы крайне избирательны с точки зрения отбора студентов, а значит, потенциально талантливые абитуриенты из семей с недостаточным культурным капиталом рискуют остаться за бортом. Сеть Индийских технологических институтов объединяет самые избирательные вузы мира: конкурс при поступлении туда составляет 100 человек на место. Аналогично Лига плюща объединяет самые избирательные вузы США.

В недемократических странах развитие вузов мирового класса оказывается под угрозой в силу ограничения академической свободы. Это не так сильно ощущается в естественных науках, а вот представители социальных наук могут сталкиваться с определенными трудностями, поскольку в ряде стран некоторые темы считаются излишне политически деликатными, например в Китае, России или Саудовской Аравии.

Подводя итог, можно сказать, что вместо того, чтобы концентрироваться исключительно на создании вузов мирового класса, правительствам следовало бы сосредоточиться на построении сбалансированной и многообразной системы высшего образования, которая бы в большей степени соответствовала различным потребностям разнородной общественной среды.

.....

Тройной парадокс африканского высшего образования: расширение, консолидация, (частичная) безработица

Дэмтью Тефerra

Дэмтью Тефerra — руководитель образовательной программы в области высшего образования, директор-основатель Африканской международной сети высшего образования, профессор Университета Квазулу-Натал, г. Дурбан, ЮАР. E-mail: teferra@ukzn.ac.za.

Высшее образование в Африке заметно расширилось за последние десять лет. Всего на континенте, к кото-

рому относятся и такие страны, как Египет, Нигерия, ЮАР и Эфиопия, насчитывается уже около 500 государственных и 1500 частных вузов, в которых обучается 14 млн студентов. Однако уровень включенности молодежи в высшее образование по-прежнему самый низкий в мире и составляет всего 6%.

Рост количественных показателей мог бы позволить нам говорить о триумфе африканского высшего образования, если бы у этого явления не было обратной стороны. С ростом численности студентов качество преподавания и научной работы резко упало. Расширение системы высшего образования привело к тому, что группы оказались раздуты, классы — переполнены, преподаватели — перегружены, ресурсы — сокращены, виды деятельности — усечены, а инфраструктура ухудшилась; иными словами, сложилась катастрофическая с точки зрения качества образования ситуация.

Наиболее очевидные предпосылки такого роста связаны с исследовательской сферой. Наука в африканских вузах находится в плачевном состоянии: на них приходится не более 1% всех научных работ в мире. Несмотря на огромный количественный прирост, африканским вузам нечем похвастаться с точки зрения инноваций — они оказались в совершенно мучительной ситуации, и это в условиях развития глобальной экономики знаний. Система высшего образования в Африке характеризуется низким качеством и низкой интенсивностью исследовательской работы, поэтому перед вузами стоит задача повышения стандартов качества при тех же темпах количественного роста. Улучшение ситуации возможно лишь при условии целенаправленной стратегической и финансовой поддержки науки.

Высшее образование продолжает расширяться, а консолидации пока так и не наблюдается, поэтому выпускники вузов сталкиваются с растущей безработицей. Африканский континент буквально заполнен дипломированными специалистами, которые либо не смогли трудоустроиться, либо выполняют работу, не соответствующую их квалификации. Несмотря на то что Африка по-прежнему далеко отстает от других регионов по доле студентов, проблема безработицы среди выпускников вузов уже повлекла за собой ряд серьезных последствий как на национальном или региональном, так и на международном уровне. Так, считается, что «арабская весна» началась в результате действий безработных молодых специалистов.

Многие страны включили задачу расширения системы высшего образования в свои национальные стратегические документы, однако сиюминутные политические капризы нередко встают на пути ее реализации. Открывая очередной государственный вуз, правительства часто руководствуются собственными политическими интересами, а не актуальностью и целесообразностью. Открытие новых университетов стало мощным инструментом привлечения голосов

избирателей, причем как для действующих лидеров, так и для их оппонентов. Подобный дешевый популизм подрывает попытки создания дифференцированной системы высшего образования, т.к. еще больше подчеркивает нынешние противоречия: расширение — консолидация, количество — качество. Идея уравнивания всех вузов одной страны не просто ошибочна, но и разорительна.

Африканский тройной парадокс сложен и даже страшен, так как на данный момент не имеет решения. Однако путь к решению включает в себя следующие шаги: разумная дифференциация системы высшего образования, использование новых моделей обучения, диверсификация доходов, введение строгого контроля качества, обеспечение автономии вузов, разработка хорошо продуманных учебных планов.

Африка становится более уверена в себе и в своем положении в мире, и эта уверенность основана на устойчивом макроэкономическом развитии, росте инвестиционной привлекательности, снижении междоусобных конфликтов, повышении прозрачности правительств и организаций. Все это, а также положительное восприятие высшего образования африканцами позволяет говорить о будущем континента с оптимизмом.

Можно ли остановить падение авторитета вузов?

Ульрих Тайхлер

Ульрих Тайхлер — ординарный профессор Университета Касселя, Германия. E-mail: teichler@incher.uni-kassel.de.

Многие надеются, что университеты выиграют в результате трансформации общества в состояние, которое часто называют обществом знания. Однако некоторые эксперты предупреждают: университеты потеряют свое монопольное/олигопольное право на производство и использование нового знания и сохранят за собой только функцию присвоения дипломов. Впрочем, и последнее небесспорно, поскольку качество дипломов, выдаваемых некоторыми вузами, уже вызывает сомнения.

В последние годы в академической среде наблюдается обесценивание различных методов оценки академических достижений: показатели, аккредитации, рейтинги, рецензии и т.д. Их авторитет падает потому, что университеты мирятся со снижением стандартов оценивания, вместо того чтобы сообща с этим бороться.

К примеру, бессовестные составители рейтингов теперь во многом навязывают ложное понимание

критериев того, какие университеты являются университетами мирового класса. Более того, они успешно пропагандируют идею о том, что будущее высшего образования и науки лежит на плечах элитных вузов, а остальными можно пренебречь.

Университеты поддались и поверили, что ученые непременно должны стремиться как можно чаще публиковаться в реферируемых изданиях, что якобы отражает уровень их научной производительности. Они смирились также и с тем, что списки так называемых ведущих журналов регулярно перетасовываются. Тем самым вузы подчеркивают, что важна оценка качества на основе внутренних требований академической среды, а актуальность деятельности университетов с точки зрения потребностей общества знания можно игнорировать.

Появились и проблемы структурного характера: заслуживают ли университеты доверия в вопросах оценки студентов и выдачи дипломов? Образовательные программы становятся все более гибкими. Некоторые студенты приходят с уже готовым набором знаний и просто получают кредиты за то, что успели выучить раньше. Переход в течение обучения из одного вуза в другой в Германии уже является давно сложившейся традицией, а в других странах эта тенденция набирает популярность. Прохождение стажировки, то есть период получения знаний и опыта за пределами учебного заведения, становится обязательной частью образовательной программы. У студентов все больше возможностей прослушать какие-то курсы в других вузах — например, путем участия в массовых открытых онлайн-курсах (МООК). Все более популярной становится идея прохождения части обучения за рубежом. Фактическое количество часов, которые студент проводит в своей альма-матер, существенно снижается. Все вместе это вполне может привести к снижению авторитета вузов и доверия к их возможности адекватного оценивания знаний студентов. Вероятно, вскоре возникнет потребность в создании независимых, не связанных с вузами организаций, которые будут помогать студентам оценивать полученные ими знания.

В процессе перехода к обществу знания вузы сталкиваются с проблемой снижения их авторитета, и это связано не только с тем, что у них появляются конкуренты с точки зрения производства и распространения нового знания, но и с тем, что падает доверие к тому, что они могут качественно оценить результаты своей деятельности — исследований и образовательных программ, которые они ведут. Многочисленные методы оценки, рейтинги и индикаторы успешности определяются извне, и вузы и ученые ничего не могут с этим поделать. Последняя надежда вузов — вера в тот факт, что они по-прежнему будут обладать монопольным и не вызывающим вопросов правом на выдачу дипломов, — также может оказаться нежизнеспособной, если вузы не выработают новых методов преподавания и оценки знаний.

.....

Продолжится ли игра в рейтинги через десять лет?

Акиёси Йонедзава

Акиёси Йонедзава — доцент Высшей школы международного развития Нагойского университета, Япония. E-mail: yonezawa@gsid.nagoya-u.ac.jp.

Около 15 лет назад, когда международные университетские рейтинги еще только начали появляться, мало кто мог предположить, что уже вскоре они станут играть такую огромную роль и начнут оказывать влияние на систему высшего образования, политиков и общество в целом. Сейчас любое потенциальное партнерство университетов начинается с проверки места в рейтингах. Даже в странах, где нет вузов, которые бы занимали высокие позиции в международных рейтингах, эти самые рейтинги учитываются на государственном уровне при распределении грантов или в процессе найма новых преподавателей. Однако будет ли актуальна эта рейтинговая игра через 10 лет? Да, но, вероятно, в совершенно иной форме.

Феномен университетов и студентов, ищущих возможность попасть в образовательную и научную среду мирового класса, будет продолжать существовать. Поэтому все больше вузов будет стремиться завоевать статус университета мирового класса. Например, правительство Японии в 2014 году запустило проект «Лучшие мировые университеты», рассчитанный на десять лет и нацеленный на то, чтобы десять японских вузов вошли в сотню ведущих университетов мира.

В то же время с появлением интернета резко изменились условия, в которых работают университеты. Сейчас любое новое знание практически мгновенно становится доступно в любой точке мира. Конечно, все еще существует проблема языкового барьера, однако технологии автоматического перевода уже во многом позволяют ее преодолеть. Отчасти автоматизированы уже даже такие неотъемлемые этапы процесса производства знания, как анализ и описание данных. Современные образовательный и исследовательский процессы непременно подразумевают обращение к аудиовизуальным материалам и облачным данным. Можно подробным образом отслеживать деятельность любого ученого: что он публикует и где, на кого ссылается, каков его индекс цитируемости. Такую информацию получают и сами ученые, и руководители вузов.

Методология составления рейтингов регулярно обновляется, что связано с расширением объема доступной информации и появлением новых типов вузов.

Это ведет к диверсификации рейтингов. В 2014 году, например, в топ-100 рейтингов по версии Times Higher Education и US News and World Report вошли только два японских вуза, в Шанхайский рейтинг — три, в QS — пять. Что за этим стоит? Результаты зависят от того, какие показатели учитываются при составлении рейтинга и каков их вес. К примеру, U-Multirank и другие рейтинги позволяют пользователю самостоятельно выбирать параметры сравнения. Все чаще появляются рейтинги достижений университетов в определенных научных областях или темах.

Похоже, золотой век составителей рейтингов прошел. У пользователей рейтингов, в том числе университетов и правительств, появилось больше возможностей для выбора подходящей под их задачи методологии рейтингования. Если это способствует лучшему пониманию высшего образования, то это хорошо. Однако нужно не допустить стандартизации, гомогенизации вузов с различными изначальными параметрами.

Переосмысляя высшее образование

Мария Юдкевич

Мария Юдкевич — проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. E-mail: 2yudkevich@gmail.com.

На протяжении долгих лет бытовало представление о том, что университет — это своеобразная башня из слоновой кости. Эта метафора настолько врезалась в наш разум, что мы даже не ставим ее под сомнение. Однако современный университет — уже не башня, и вовсе не из слоновой кости. Более того, идентичность и границы университетов становятся все более размытыми, и тому есть несколько причин.

Во-первых, в условиях развития новых образовательных технологий слабеет монополия вузов на фундаментальные и прикладные знания. Численность студентов, обучающихся на основных образовательных онлайн-платформах, растет в геометрической прогрессии, поэтому преподавателям приходится пересматривать собственные курсы, для того чтобы они по-прежнему представляли интерес для этих студентов. И если сильные вузы остаются привлекательными благодаря высокому качеству образования, то вузам-среднячкам приходится бороться за аудиторию, причем не только с другими университетами, но и с образовательными онлайн-платформами. Конечно, изучение онлайн-курсов, предлагаемых различными вузами, требует существенно более низких транзакционных издержек, поэтому непонятно,

будут ли талантливые студенты по-прежнему делать выбор в пользу офлайн-обучения в каком-то одном университете или предпочтут получать образование сразу в нескольких.

Во-вторых, у молодых преподавателей, заинтересованных в академической карьере, традиционно были довольно большие шансы на получение постоянного контракта, но сегодня таких возможностей стало намного меньше. Во всем мире снижается доля преподавателей, работающих на условиях бессрочного трудового договора, а средний возраст получения постоянной позиции, наоборот, увеличивается.

Развитие внеуниверситетских исследовательских организаций и самостоятельная реализация исследовательских проектов коммерческими компаниями приводят к тому, что университеты постепенно утрачивают монополию на проведение фундаментальных исследований. Эти организации конкурируют с университетами за лучших ученых и нередко могут предложить им более привлекательные условия как с точки зрения возможностей для проведения исследований, так и с точки зрения заработной платы, включая долгосрочный трудовой договор.

Наконец, ученые испытывают давление постоянно растущих требований к эффективности исследовательской деятельности и необходимости постоянно искать внешние источники финансирования их проектов. Это отрицательно сказывается на стандартах академической работы, которые изначально предполагают, что учеными движет внутренняя мотивация, искреннее стремление к новому знанию. Одновременно такой подход подталкивает вузы рассматривать преподавателей не как сообщество ученых, а как наемных работников, чья деятельность оценивается в соответствии со строго определенными показателями.

Массовизация высшего образования привела к росту количества вузов и появлению новых типов учебных заведений. Качество высшего образования стало гораздо больше варьироваться. Будут ли через 20 лет вузы, находящиеся на разных концах этого спектра, по-прежнему видеть друг в друге равноправных партнеров? Будет ли что-то общее у ведущих исследовательских университетов и остальных вузов? Станут ли традиционные исследовательские вузы исключением в море «учебных заведений, некогда называвшихся университетами»?

На протяжении столетий университет оставался наиболее стабильным типом организации, поэтому можно предположить, что он просуществует еще много веков. Однако вопрос о его организационной сущности и границах, равно как и о том, будут ли лучшие умы по-прежнему хотеть там работать, остается открытым.

Глобальное информационное общество: конфликт между теоретическим и прикладным подходом

Павел Згага

Павел Згага — профессор Центра изучения образовательной политики Университета Любляны, бывший министр образования Словении. E-mail: pavel.zgaga@guest.arnes.si.

Через несколько десятилетий после своего появления концепция общества знания не только стала применяться для описания процессов в социальных науках, но и прочно вошла в политический язык, язык СМИ и повседневный обиход. Она обрела новые значения и новые интерпретации. Разнообразие определений, которые иногда даже противоречат друг другу, вызывает ряд вопросов. Один из них состоит в том, какое влияние окажет концепция общества знания на традиционные формы знания, например на научное знание?

К признаваемым на протяжении веков и вызывающим уважение научным знаниям в последнее время стали относиться как к «всего лишь научным знаниям». Это «всего лишь» говорится с определенным пренебрежением, предполагающим, что в дополнение к «традиционному» научному знанию появилось другое знание, «современное», обладающее большей ценностью. Оно позиционируется как более «полезное», более «продуктивное» и противопоставляется «бесполезным», «абстрактным», «теоретическим» и «всего лишь научным» знаниям. Ученые по всему миру, особенно представители социальных и гуманитарных наук, все чаще вынуждены доказывать «значение», «актуальность» и «полезность» проводимых ими «традиционных» и оттого сомнительных исследований. Неужели общество знаний не приемлет знания ради знания?

Информационное общество ценит «полезные знания», характеризующиеся высокой степенью достоверности. Именно такие знания являются локомотивом современной экономики. Все риски ложатся на плечи управленцев, а простые сотрудники должны быть надежными и точными. Они производят полезные знания в условиях научного подхода, основанного исключительно на идее достоверности. Эти исследования ведутся как внутри университетского сектора, так и за его пределами в исследовательских центрах и коммерческих компаниях.

Вузы на протяжении всей своей истории играли другую роль: они позволяли работать в рамках свободного научного подхода. Вузы всегда были своего рода интеллектуальным полем битвы, исходя из того, что вокруг нас — неизведанное и возможности познания природы, человека и общества бесконечны. Исследователи противостояли неопределенности и боролись с неизведанным. Именно это и привлекало настоящих ученых. К сожалению, результаты подобных исследований сегодня вполне могут быть признаны «бесполезными».

Если немного изменить терминологию и назвать эти типы знания научно-теоретическим и прикладным, становится понятно, что они вовсе не исключают друг друга, а являются различными формами знания, каждая со своей эпистемологией. Одна из основных проблем, с которыми сталкиваются современные вузы, — это распространение упрощенной интерпретации концепции общества знания, которая и ведет к противопоставлению и выстраивает некорректную иерархическую взаимосвязь между «полезными» и «всего лишь научными» знаниями. Если судить с точки зрения развития высшего образования, то идея общества знания заслуживает пересмотра и переосмысления, в т.ч. пересмотра ее нормативных и идеологических оснований. Этот вопрос имеет прямое отношение к целям высшего образования, а также важен для понимания миссии университетов.

Классификация американских учреждений высшего образования Фонда Карнеги: все сложнее и проще, чем кажется на первый взгляд

Филип Дж. Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

В этом году Фонд Карнеги по совершенствованию преподавания перестает заниматься проектом классификации вузов и передает его в Фонд Люмина и Центр высшего образования Университета Индианы. Как заявили представители Фонда Люмина, в 2015 году их проект «Классификация дипломов об образовании» станет частью Классификации Карнеги,

основной идеей которой, однако, изначально было создание объективной и простой для понимания системы американского образовательного ландшафта. Иными словами, эта новая инициатива — еще один шаг в сторону относительно первоначальной идеи, лежащей в основе Классификации Карнеги.

В последние годы Классификация Карнеги становилась все более сложной, многоуровневой. Отчасти это связано с изменением стратегического курса Фонда Карнеги, отчасти является отражением усложнения самой системы высшего образования. В результате классификация, которая должна была быть понятным, но в то же время достаточно точным и объективным отражением образовательной системы с ее более чем 4500 образовательными учреждениями, стала менее практичной. К важнейшим достоинствам первоначальной классификации можно отнести тот факт, что она была довольно простой и объективной и была нацелена не на ранжирование вузов, а на разбиение их на понятные категории. В отличие от U.S. News and World Report и других рейтингов, при составлении Классификации Карнеги не учитывались репутационные показатели: ее авторы не просили преподавателей и административных сотрудников вузов оценить своих конкурентов.

Пока непонятно, планируют ли новые авторы классификации отойти от заложенной их предшественниками первоначальной идеи, но новый руководитель проекта заявил, что редакция 2015 года не претерпит существенных изменений. Принимая во внимание то, что Фонд Люмина делает акцент на таких похвальных целях, как обеспечение доступа к высшему образованию и справедливости, повышение числа тех, кто оканчивает вуз, и разработка новых стандартов образования, можно предположить, что в долгосрочной перспективе классификация будет в большей степени переориентирована в соответствии с этими целями и эти изменения станут более существенными, нежели те, что происходили в последние годы в Фонде Карнеги.

Первоначально Классификация Карнеги помогала должностным лицам и простым людям как в США, так и за рубежом понять американскую систему высшего образования в целом, а также разобраться в том, как в нее вписывается тот или иной вуз. Для иностранцев классификация была полезна тем, что представляла собой карту многообразного американского образовательного ландшафта. Благодаря ей зарубежные вузы могли с легкостью найти потенциальных партнеров как среди исследовательских университетов, так и среди муниципальных колледжей или театральных училищ. Похоже, что Классификация Карнеги как источник информации скоро уйдет в небытие.

Историческая справка

Первая редакция классификации увидела свет в 1973 году благодаря легендарному Кларку Керру, который тогда возглавлял Комиссию Карнеги по вопро-

сам высшего образования, а еще десятилетием ранее разработал Генеральный план развития высшего образования в Калифорнии. Керр хотел разобраться в американской системе высшего образования, которая в то время активно развивалась. Представления Керра о дифференцированной образовательной системе, включающей в себя многообразие вузов, которые служат различным целям и отвечают запросам различных групп населения, нашли отражение в самой первой классификации. Она подразумевала всего пять категорий вузов (которые также делились на несколько подкатегорий): вузы, присуждающие степень PhD, вузы и колледжи широкого профиля, колледжи свободных искусств, колледжи и институты двухлетних образовательных программ и, наконец, профессионально-технические и другие специализированные учебные заведения.

Поскольку эта классификация отразила самые первые попытки упорядочить систему, она довольно быстро обрела вес: чиновники обращались к ней, чтобы получить объективную информацию о различных категориях вузов, а руководителям учебных заведений она помогала понять, каково их место в национальном образовательном пространстве. Классификация Карнеги была достаточно простой и ясной, а нейтральная позиция ее авторов не вызывала сомнений. Однако несмотря на то, что изначально эта классификация не имела ничего общего с рейтингами вузов — она просто перечисляла их по категориям в алфавитном порядке, — многие восприняли ее как новое поле для борьбы. Одни вузы хотели попасть в подкатеорию «Исследовательские университеты — I», куда входили вузы с наибольшим объемом научного финансирования и наибольшим количеством программ аспирантуры, и безмерно радовались, если им это удавалось.

В результате классификация, которая должна была быть понятным, но в то же время достаточно точным и объективным отражением образовательной системы с ее более чем 4500 образовательными учреждениями, стала менее практичной.

Соответственно, попадание в подкатегорию «Колледжи свободных искусств — I», куда входили наиболее престижные из подобных вузов, становилось целью остальных аналогичных заведений. Так что со временем Классификация Карнеги стала своего рода неформальным мерилем академического статуса вузов.

Изменения и манипуляции

Категории, которыми оперировали авторы этой классификации, и использовавшаяся ими методология в течение долгого времени оставались практически неизменными, несмотря на турбулентные процессы, которые происходили в американской системе высшего образования на протяжении нескольких десятилетий. Однако в 2005 году новое руководство Фонда Карнеги решило, что современные реалии требуют пересмотра методологии, и объявило о ряде нововведений. Изменение подхода объяснили стремлением сделать так, чтобы Классификация Карнеги в большей степени отвечала новым стратегическим целям и задачам фонда. Пересмотр первоначальной структуры привел к появлению таких новых категорий, как учебные программы (instructional programs), дипломный профиль (enrollment profiles) и др. Новая классификация стала значительно сложнее и вскоре начала терять свое значение. Многие пришли к выводу, что введение новых категорий противоречит первоначальной задумке и что некоторые из них вообще не очень актуальны. Былая простота исчезла. При этом, говоря о ведущих исследовательских вузах, многие до сих пор оперируют понятием «исследовательские университеты — I по Классификации Карнеги», хотя в официальном лексиконе фонда эта категория не используется уже лет двадцать.

Вероятно, дальнейшее развитие событий еще более усложнит ситуацию: федеральное правительство США мечтает ранжировать вузы по затратам и проценту студентов, успешно окончивших обучение, а это целое новое направление работы. Еще одна дилемма состоит в определении роли коммерческих вузов в последующих редакциях классификации, так как они по многим параметрам значительно отличаются от традиционного вузовского сектора, так же как и учреждения онлайн-образования. Должны ли эти новые структуры высшего образования быть включены в новую классификацию? На мой взгляд, это приведет к дальнейшему расползанию классификации, а это плохо.

Новый поворотный пункт

Скорее всего, в ближайшем будущем Классификацию Карнеги ждут самые масштабные перемены в ее истории, и если верить заявлениям ее новых авторов, то, по-видимому, она изменится до неузнаваемости и окончательно перестанет соответствовать изначальному замыслу Кларка Керра, который стремился создать простой и объективный инструмент для аналитической классификации американских вузов. За последние несколько десятков лет мы уже не раз имели возможность наблюдать, как менялся подход

к классификации в зависимости от изменения стратегических целей Фонда Карнеги по улучшению преподавания. Без сомнения, новые авторы — Фонд Люмина — изменят классификацию так, чтобы она отвечала их потребностям и задачам, результатом чего станет еще большее несоответствие ее изначальным задачам.

Что же действительно необходимо?

Даже странно, что сейчас, когда с момента выпуска Керром первой редакции Классификации Карнеги прошло более четырех десятков лет, никто до сих пор не решился реализовать аналогичную идею и создать ясный и объективный «справочник» 4500 американских вузов. При этом задача воссоздания классификации, соответствующей первоначальному замыслу Керра, — совсем не бином Ньютона, да и заоблачных денег не требует.

Конечно, сейчас система высшего образования и впрямь гораздо сложнее. Как, например, разобраться с сектором коммерческого высшего образования? Наверное, вывести его в отдельную категорию. Многие муниципальные колледжи, которые раньше предлагали исключительно двухгодичные образовательные программы, теперь открыли полноценный четырехгодичный бакалавриат, хотя их первичные задачи и оргструктура остались в целом такими же. Появилось множество узкоспециализированных образовательных учреждений, а многие университеты и колледжи расширились и теперь предлагают новые программы. Неотъемлемую часть современного образовательного процесса составляют новые технологии: мы наблюдаем революцию массовых открытых онлайн-курсов (MOOC). Значительно возросла исследовательская продуктивность ученых, появились новые способы распространения знания. Вузы, особенно исследовательские университеты, теперь гораздо больше озабочены вопросом охраны интеллектуальной собственности.

Однако базовые критерии, использовавшиеся Керром в его классификации, которые помогают разделять вузы в зависимости от их целей и видов деятельности, практически не изменились, хотя они и требуют теперь более тщательного описания. Вот основные критерии:

- состав студентов;
- предлагаемые уровни образования;
- виды образовательных программ;
- численность профессорско-преподавательского состава, доля штатных сотрудников и совместителей;
- объем дохода от исследовательской деятельности и реализации прав на интеллектуальную собственность;
- научная продуктивность;
- уровень интернационализации, измеряемый интенсивностью студенческой мобильности.

Конечно, можно добавить еще несколько критериев, но главное — это, повторюсь, простота и ясность.

Типология вузов (шесть основных категорий и восемь подкатегорий) представляется в целом разумной. Возможно, нужно ввести несколько новых категорий, которые бы отражали сложные реалии современной многообразной образовательной системы. В последние годы авторы Классификации Карнеги вводили новые категории, которые отчасти отражали политические и философские взгляды фонда. Однако чем проще и понятнее типология, тем лучше будет классификация выполнять свою основную роль.

Несмотря на то что вышеупомянутые категории не отражают в полной мере сложную структуру многих вузов и требуют дальнейших разъяснений, они дают базовую информацию, которая и позволяет выстроить достаточно разумную классификацию. Они не запятнаны философскими и стратегическими идеями руководства Фонда Карнеги, изменение которых мы наблюдали в последние годы, и отвечают первоначальным задачам классификации, которая должна была стать понятным способом описать богатый, сложный и многообразный американский образовательный ландшафт.

МООК в развивающихся странах: новая надежда или надувательство?

Бен Вильдавски

Бен Вильдавски — руководитель программы по изучению высшего образования в Институте управления им. Нельсона Рокфеллера Университета штата Нью-Йорк и профессор Университета Олбани, штат Нью-Йорк. E-mail: ben.wildavsky@suny.edu.

Данное эссе подготовлено на основе статьи, вышедшей в номере журнала International Educator за май-июнь 2014 года.

Первый учебный курс в формате, получившем громкое название «массовый открытый онлайн-курс (МООК)», прошел в 2008 году в Университете Мэриленда. Однако так называемая революция МООК началась лишь несколькими годами позже с запуском «большой тройки»: двух коммерческих образовательных платформ — Udacity и Coursera и некоммерческого совместного проекта Гарварда и Массачусетского технологического института, реализованного при участии EdX. Эти образовательные платформы до сих пор являются крупнейшими игроками в данной сфере и предлагают бесплатные образовательные курсы, не предполагающие получения кредитов по окончании

обучения. Слушатели таких курсов смотрят видеолекции, проходят небольшие тесты, участвуют в онлайн-обсуждениях и сдают друг другу на проверку письменные домашние работы.

С самого начала наиболее привлекательным аспектом МООК, в особенности с точки зрения развивающихся стран, стал их глобальный потенциал. Когда два известнейших компьютерных специалиста из Стэнфордского университета выложили в сеть бесплатный курс «Введение в искусственный интеллект», к нему практически мгновенно подключилось 160 000 студентов из 190 стран. Для иллюстрации масштаба можно привести такой пример: число литовцев, обучающихся на этом курсе, превысило общее число студентов Стэнфорда.

С тех пор МООК продолжали активно развиваться. Так, на Coursera, крупнейшей образовательной онлайн-платформе, уже зарегистрировано более 10 млн слушателей, которые могут выбирать курсы, предложенные более чем сотней вузов. Бизнес-модель Coursera пока нельзя назвать отработанной, однако ее разработчики смогли привлечь венчурные инвестиции на 85 млн долларов США. Coursera продолжает набирать обороты. Ее основатели считают, что Coursera приближает нас к временам, когда «у каждого появится доступ к высшему образованию мирового класса, которое раньше было привилегией избранных».

Критика

Однако если изначально МООК воспринимались с восторгом и рассматривались как инструмент демократизации доступа к высшему образованию в бедных странах, то уже вскоре этот энтузиазм сменился презрением или по меньшей мере крайней формой скепсиса. Критики МООК говорят о том, что заявления об их пользе непомерно раздуты. Некоторые даже считают, что МООК не работают за пределами западной культуры и, более того, представляют собой не что иное, как инструмент неокOLONиализма.

В развивающихся странах действительно наблюдается бум МООК, но так ли они хороши, как кажется? Критики МООК приводят различные доказательства. К примеру, большинство пользователей МООК — люди, у которых уже есть высшее образование и которые живут в развитых странах. Исследование

С самого начала наиболее привлекательным аспектом МООК, в особенности с точки зрения развивающихся стран, стал их глобальный потенциал.

Университета Пенсильвании показало, что из 400 000 слушателей курсов этого вуза на Coursera две трети составляют жители США и других стран — членов ОЭСР. В ОЭСР входят 34 развитых государства, на которые приходится всего лишь 18% населения Земли.

Похоже, создателям MOOK пока не удалось завоевать внимание людей, чье образование закончилось на уровне средней школы. Согласно результатам упомянутого выше исследования, 83% всех слушателей Университета Пенсильвании на Coursera уже имеют диплом прикладного бакалавриата (2 года обучения) или обычного бакалавриата (4 года обучения); кроме того, среди слушателей из развивающихся стран почти две трети составляют мужчины.

MOOK также печально известны высочайшим уровнем отсева. В 2012 году только 5% слушателей 17 предложенных EdX курсов окончили обучение.

Наконец, противники MOOK утверждают, что эти курсы не способствуют демократизации образования и что разработчики MOOK заблуждаются в том, что мир выиграет от их распространения. Критики называют MOOK инструментом западного доминирования и считают, что эта форма образования не учитывает потребности незападных обществ и ведет к расшатыванию местных образовательных и научных традиций.

Больше пользы, чем вреда

Неудивительно, что ажиотаж вокруг MOOK, пик которого пришелся на 2012 год, вскоре сменился скепсисом. Тем не менее MOOK действуют скорее во благо развивающихся стран, чем во вред им, однако нужно понимать, что эта технология — не статическое явление, а развивающаяся высокотехнологичная форма обучения.

Противники MOOK вполне верно указывают на то, что среди слушателей таких курсов все еще мало людей из отстающих стран и что уровень отсева довольно высок. Однако такие заявления сами по себе могут вводить в заблуждение. У MOOK так много подписчиков, что, допустим, даже если 90% из них отсеиваются в процессе обучения, то сертификат об окончании получают 10 000 человек. К тому же среди «недоучек» есть те, кто изначально даже и не планировал дойти до конца, а просто хотел познакомиться с форматом обучения.

К тому же контингент слушателей MOOK не такой привилегированный, как может показаться на первый взгляд. Действительно, две трети подписчиков EdX за 2012 и 2013 годы имели образование выше среднего, однако еще треть, а это 223 000 человек, составили люди с образованием на уровне средней школы или ниже.

Не стоит удивляться, что пользователями MOOK первой волны стали в основном обеспеченные и образованные люди. В конце концов, именно они первыми смогли получить доступ к персональным компьюте-

рам и интернету, прежде чем новые технологии захватили более широкие слои населения.

Что же можно сказать по поводу так называемого западного неокOLONиализма в отношении контента, педагогических подходов и уровня университетов, производящих MOOK? Первая реакция на эту идеологическую критику состоит в том, что никто никого не заставляет подписываться на MOOK. Ведущие западные вузы по-прежнему как магнит притягивают студентов из развивающихся стран, и те, у кого есть мотивация и средства, едут туда учиться, поэтому неудивительно, что онлайн-курсы, предлагаемые, например, Стэнфордским университетом или Массачусетским технологическим институтом, пользуются популярностью.

Работа продолжается

Вопрос об эффективности MOOK в различных культурных контекстах вполне легитимен. Однако, говоря о MOOK в развивающихся странах, необходимо понимать, что это все еще несовершенный, развивающийся инструмент. Можно сказать, мы сейчас наблюдаем один большой, глобальный эксперимент.

В США, вероятно, слушатели некоторых MOOK будут получать определенные сертификаты, имеющие практическое значение, однако вряд ли дело дойдет до выдачи полноценных дипломов. Другие MOOK станут чем-то вроде библиотеки для любопытных. А некоторые вузы будут предлагать наиболее заинтересованным студентам совмещать традиционные занятия со всеми их преимуществами и недостатками и MOOK.

93% африканской молодежи не получают высшего образования, однако MOOK и другие подобные технологии дают им возможность учиться. Поиск оптимальной технологии для MOOK — непростая задача. Широкополосный интернет в Африке малодоступен, поэтому основной канал получения информации — мобильный интернет. По оценкам эксперта по вопросам экономического развития Гая Пфеффермана, в 2001 году в Африке было 25 млн мобильных телефонов, а в 2013 году — уже 280 млн. В Гане, Камеруне, Нигерии и Танзании владеют собственными мобильными телефонами более 80% населения.

В связи с этим руководители EdX и Facebook объявили о запуске совместного проекта под названием SocialEDU, который будет сначала опробован в Руанде. Идея проекта заключается в том, чтобы выйти за рамки MOOK и создать новую образовательную платформу, которая будет доступна пользователям недорогих мобильных телефонов. EdX станет поставщиком бесплатного контента. Представители Facebook займутся разработкой мобильного приложения и созданием необходимых для образовательного процесса условий, что, по их мнению, станет базой для обеспечения доступа к бесплатному и качественному образованию для жителей развивающихся стран.

Как бы ни противились скептики, развитие технологий, рост спроса на образование и разработка новых подходов к обучению неминуемо приведут к дальнейшему распространению МООК по всему миру. Конечно, технология МООК требует доработок, которые обеспечат повышение ее эффективности. Однако новые образовательные технологии должны оцениваться не только с точки зрения того, насколько они идеальны. Нужно в первую очередь смотреть, что они дают людям, и соотносить с другими, еще более несовершенными формами обучения, особенно если речь идет о развивающихся странах.

Повышение качества технического образования в странах Центральной и Западной Африки

Гулям Мохамедбхай

Гулям Мохамедбхай — бывший генеральный секретарь Ассоциации африканских университетов. E-mail: g_t_mobhai@yahoo.co.uk.

Статья подготовлена по материалам одноименного доклада Гуляма Мохамедбхая, выполненного им по заказу Всемирного банка. Более полная версия будет опубликована в журнале International Journal of African Higher Education.

Экономика Центральной и Западной Африки в последние годы испытывает значительный рост и привлекает большие иностранные инвестиции. Однако острая нехватка квалифицированных кадров на местах сдерживает развитие проектов, а иностранные компании вынуждены привлекать специалистов из-за рубежа. Развитие человеческого капитала, особенно в инженерно-технической отрасли, — вот залог стабильного экономического роста и повышения конкурентоспособности африканских стран.

Есть несколько причин, почему Африке срочно необходимо начать развивать инженерно-технический потенциал: экономическое развитие невозможно без инфраструктурного; необходимо подтолкнуть промышленный рост, в частности производственный сектор, с тем чтобы перестать быть нетто-импортером готовой продукции, а стать нетто-экспортером; необходимо развивать энергетический сектор, потому что сейчас многие страны испытывают дефицит энергии; африканцы должны наконец взять горнодобывающую промышленность в свои руки; в довершение

всего, Африка должна стремиться достичь целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия ООН (ЦРТ).

Текущее положение дел с техническим образованием

Существует несколько докладов о состоянии технического образования в Африке. В 2012 году Королевская инженерная академия наук Великобритании выпустила подробный обзор по странам Центральной и Западной Африки. Он был подготовлен по результатам электронного опроса, в котором участвовало 113 специалистов-инженеров и 29 чиновников от образования из 18 африканских стран, а также на основе интервью с 15 руководителями инженерных проектов разных стран. В 2005 году Африканская сеть по изучению развития технического образования опубликовала доклад, который освещал положение дел в Нигерии, Гане и Зимбабве. Он был подготовлен по итогам опросов и интервью с широким кругом заинтересованных лиц. Основным документом стал доклад ЮНЕСКО 2010 года, в написании которого принимало участие более 120 экспертов со всего мира и в котором особое внимание уделено роли технического образования в международном экономическом развитии.

Результаты этой работы позволяют сделать два основных вывода. Во-первых, в Африке катастрофически не хватает инженерно-технических кадров, из-за чего континент во многом зависит от иностранных специалистов. Тому есть несколько причин: вузы выпускают слишком мало специалистов; выпускники нередко недостаточно хорошо подготовлены и не обладают необходимыми практическими навыками и опытом, в связи с чем не востребованы на рынке труда; в Африке много иностранных компаний, и они предпочитают привозить собственных специалистов из-за рубежа; выпускники африканских вузов не хотят ехать в сельские регионы на низкооплачиваемую работу.

Во-вторых, не хватает инженерно-технических работников нижнего звена. Как правило, эффективная деятельность предприятия машиностроительной отрасли предполагает соотношение числа квалифицированных специалистов-инженеров и техников в размере 1:5 или 1:6, то есть техников требуется существенно больше, чем инженеров. Но в настоящее время это соотношение в Африке составляет 1:1 или 1:1,5. Вероятно, это означает, что многие дипломированные инженеры выполняют работу, не соответствующую их высокой квалификации, и занимают позиции техников. Существует риск, что эта проблема обострится: правительства многих стран переводят политехнические техникумы и колледжи в статус университетов, не создавая взамен ничего нового. Безусловно, Африке нужны новые квалифицированные инженеры, однако

в большей степени континент нуждается в гибких и обладающих первоклассными практическими навыками технических специалистах, которые не только выполняют вспомогательные функции по отношению к инженерам, но и в состоянии открывать небольшие или средние предприятия и управлять ими, т.е. создавать новые рабочие места, повышать степень задействования местных ресурсов и качество жизни общества.

Развитие технического образования

Авторы упомянутых выше докладов предлагают ряд мер, которые способствовали бы повышению качества технического образования и профессиональной подготовки. Во-первых, существующая инфраструктура и лаборатории остро нуждаются в обновлении. В течение нескольких десятилетий уровень финансирования африканских вузов был предельно низок, в связи с чем инфраструктура заметно изнашивается.

Также необходимо пересмотреть текущую учебную программу и содержание курсов. Большинство из них было скопировано с европейских или американских аналогов, однако давно не обновлялось и утратило свою актуальность.

Необходимо улучшить методологию преподавания. Огромное число студентов обуславливает тот факт, что занятия проходят преимущественно в лекционном режиме, поэтому у них практически нет возможности обсудить материал друг с другом или с преподавателем. Переход на проблемно-ориентированное обучение позволил бы в большей степени развить аналитические способности и социальные навыки студентов (умение взаимодействовать с другими людьми, командный дух, нестандартное мышление, гибкость), которые высоко ценятся на рынке труда.

Помимо этого, необходимо повышать уровень профессиональной подготовки преподавателей. Многие из них — даже те, которые имеют степень PhD, — недостаточно компетентны и не владеют грамотными педагогическими приемами. Многие африканские вузы сейчас вводят правило: все преподаватели должны иметь степень PhD. Но в области инженерно-технического образования такой подход вряд ли уместен или реалистичен. Хорошим преподавателем в этой области вполне может быть человек, имеющий степень магистра по соответствующей специальности, проработавший какое-то время в реальном секторе и прошедший небольшой курс педагогической подготовки. Некоторые африканские вузы уже начали уделять внимание педагогической подготовке преподавателей, однако это явление пока не очень распространено.

Наконец, все исследователи подчеркивают значение связи между академическим миром и реальным сектором. Она может принимать различные формы: нужно привлекать представителей

промышленности к разработке учебных планов, участию в факультетских попечительских советах или даже к руководству вузами, а также приглашать их в качестве преподавателей-совместителей. Но самая, пожалуй, важная задача — связать предприятия напрямую со студентами. Во-первых, у последних должна появиться возможность проходить практику во время обучения — таким образом они познакомятся с реальным производством, что повысит их шансы на успешное трудоустройство. Во-вторых, они должны иметь возможность проходить производственную практику в конце обучения, чтобы отработать необходимые профессиональные навыки. К сожалению, из-за резкого роста численности студентов некоторые африканские вузы отказались от практики организации производственных стажировок, поэтому многим выпускникам приходится проходить дополнительное обучение уже на рабочем месте.

Промышленный потенциал

Африка сейчас оказалась на экономическом перепутье. На континенте уже признали, что основные ресурсы, которые нужно развивать, — это население (в силу его молодости) и природные богатства. Развитие человеческих кадров, особенно в инженерно-технической области, — это залог реализации африканского потенциала.

Наибольшее внимания заслуживает, пожалуй, развитие инженерного образования, что позволит увеличить количество высококвалифицированных сотрудников, которые будут работать на благо промышленного роста. Однако существует ряд проблем, решение которых требует от правительств различных африканских стран, вузов и представителей промышленного и частного сектора совместной работы.

Одновременно с этим африканский промышленный сектор должен стать более динамичным. Только тогда инженерное дело начнет процветать и сможет полностью раскрыться. Иностранные государства, которые много вкладывают в африканский промышленно-производственный сектор и в развитие инфраструктуры,

В течение нескольких десятилетий уровень финансирования африканских вузов был предельно низок, в связи с чем инфраструктура заметно изнашивается.

могли бы помочь, обеспечив местным студентам возможность проходить производственную практику и чаще нанимая местные кадры. Иначе говоря, они должны поддерживать африканских инженеров и способствовать дальнейшему научно-техническому обмену, который необходим для обеспечения экономического и промышленного развития континента.

Можно сказать, ситуация сейчас такова, что отделить причину от следствия трудно: индустриальное развитие невозможно в условиях отсутствия квалифицированных технических кадров, а наличие таких кадров напрямую зависит от степени развитости промышленности. Оценка технологической мощности и потребностей рынка на уровне отдельно взятых стран могла бы помочь решить накопившиеся проблемы.

.....

Существует ли китайская модель университета?

**Цян Чжа,
Цзинхуан Ши,
Сяоян Ван**

Цян Чжа — доцент факультета образовательных наук Йоркского университета, Торонто, Канада. E-mail: qzha@edu.yorku.ca.

Цзинхуан Ши — профессор, исполнительный декан Института образования Университета Цинхуа, Пекин, Китай. E-mail: shijhuan@mail.tsinghua.edu.cn.

Сяоян Ван — доцент, директор Института исследования высшего образования Университета Цинхуа. E-mail: wangxy@tsinghua.edu.cn.

Данный текст представляет собой сокращенную версию статьи, вошедшей в книгу Handbook of the Sociology of Higher Education, которая готовится к публикации в издательстве Routledge.

В последние полтора десятилетия китайская система высшего образования пережила настоящий бум. В период с 1998 по 2010 год ежегодный прирост численности студентов составлял 17%. Правительство Китая начало вкладывать огромные деньги в развитие элитных университетов с целью появления в стране вузов мирового класса, что запустило глобальную образовательную гонку. Успехи Китая в области развития высшего образования привлекли большое внимание и вызвали разговоры о вероятности появления специфической китайской модели университета. В данном эссе мы постараемся более подробно осветить этот вопрос.

Два основных подхода к определению китайской модели

Существует два основных подхода к изучению китайской образовательной модели: историко-культурный и социополитический. Первый основан на дискурсе, заложенном еще конфуцианской традицией познания. С методологической точки зрения традиция познания отражает принятый в той или иной культуре способ мышления или основные элементы культурного самопознания, которые неминуемо формируют общественный путь развития. Иными словами, первый подход связывает китайские вузы с конфуцианской традицией. И хотя университет как организационная форма впервые появился в стране всего около ста лет назад, интеллектуальная деятельность вузов в Китае неразрывно связана с конфуцианской этикой, которая задает тон в китайском образовании уже на протяжении более чем 2 тысяч лет. Идея широкого гуманитарного образования вполне соотносится с конфуцианскими представлениями и вполне могла бы оказать оздоравливающий эффект на китайскую систему высшего образования. Конфуцианская интеллектуальная традиция придает большое значение гуманитарному образованию, которое должно быть основано в первую очередь на изучении достижений прошлого, а не на знакомстве с западным опытом. Обычно в разговорах об этом образовательном подходе, для того чтобы отличить его от западного, используется его китайское название «тун ши». Исторически китайская гуманитарная традиция превосходила по своей глубине европейскую, зародившуюся в эпоху Ренессанса. В последние годы вузы уделяют все больше внимания гуманитарному образованию, делают свои учебные планы более многообразными. Примечательно, что подразделения вузов, занимающиеся обеспечением гуманитарного образования, часто именуют себя «шюань» (так назывались частные классические академии, процветавшие в период империи Тан и империи Сун), то есть намеренно подчеркивают свою связь с конфуцианской традицией.

Историко-культурный подход во многом основан на представлениях об идеале. Идеальная модель позволяет анализировать историческое положение дел с точки зрения обобщенных понятий. Однако вряд ли кто-то будет утверждать, что современная система высшего образования, сложившаяся в Китае в результате ста лет экспериментов с западными и советскими идеями, близка к идеалам конфуцианства. Современный китайский культурный контекст не подходит для возрождения «шюань». Так что неудивительно, что, по данным исследований, посвященных изучению «тун ши» в современном образовании, реальный эффект от возрождения этой практики не высок, т.к. она используется главным образом для привлечения внимания к определенным вузам либо для реализации национальной политической задачи по созданию в стране «вузов мирового класса».

Таким образом, о «тун ши» много говорят, однако это является в большей степени разговором, чем практикой, вносящей существенные изменения в образовательный процесс.

Существует два основных подхода к изучению китайской образовательной модели: историко-культурный и социополитический.

Сторонники социополитического подхода отталкиваются от китайской модели развития (известной как «Пекинский консенсус»), согласно которой нормативный образовательный контекст предполагает снижение роли государства в области регулирования высшего образования ради ускорения экономического роста. Отчасти эта модель, безусловно, уже реализована. Она эффективна с точки зрения быстрой мобилизации ресурсов и улучшения инфраструктуры. В китайской системе высшего образования сейчас наблюдается одновременно три масштабных процесса: увеличение численности студентов, развитие новых управленческих структур, поиск путей для построения университетов мирового класса. Эти процессы являются отражением вполне определенных государственных инициатив и идей. В период с 1998 по 2006 год объем выделяемого на высшее образование финансирования увеличивался на 17,4% ежегодно. В 2012 году каждый из 50 ведущих китайских исследовательских университетов заработал на научных исследованиях в среднем 200 млн долларов США. В 2000 году максимальный размер прибыли в размере 70 млн долларов получил Университет Цинхуа. В настоящее время примерно каждый четвертый инженер или специалист в сфере естественных наук в мире является выпускником китайского вуза, а ведь именно эти области наиболее востребованы с точки зрения экономики знаний. Общая мировая доля работ китайских ученых в рецензируемых журналах, посвященных инженерным и естественным наукам, выросла с 3% в 2001 году до 11% в 2011 году, что делает Китай вторым (после США) крупнейшим источником нового знания в этих областях, а доля публикаций китайских ученых в 1% самых цитируемых работ мира увеличилась в шесть раз. Вероятно, таким количественным и качественным скачком китайское высшее образование обязано главным образом щедрости правительства.

Современный социополитический подход основан на теории открытых систем. Ее сторонники считают, что система высшего образования — это часть более масштабной надсистемы, которая охватывает социальное, политическое и экономическое пространство. Подобная система высшего образования всегда открыта к взаимодействию с внешней средой и усваивает ценности последней. Однако в основе «Пекинского консенсуса» лежат утилитарные соображения, связанные с реализацией материальных интересов, в результате чего китайское общество и китайская академическая среда стали гораздо более прагматичными. К тому же китайской культуре присуща постепенность (лучше всего эту мысль сформулировал Дэн Сяопин, характеризовавший китайские реформы как «переход через реку осторожно, наступая камнями»), которая сдерживает напор критики в отношении институционализации правового климата. Складывается парадокс: с одной стороны, в последние годы китайские вузы получили гораздо большую автономию (в обмен на прозрачность и высокие результаты), а с другой — правительство всегда может в случае необходимости усилить контроль над вузами.

Методологические ограничения обоих подходов

Историко-культурный подход, безусловно, ценен, однако он не предлагает адекватной контекстуализации дискурса вокруг китайской образовательной модели и не увязывает традиционные и современные элементы, хотя очевидно, что этот подход должен быть контекстуализирован. Более того, он практически бессилён в условиях современного «раздробленного общества», которое пришло к такому состоянию в результате разрыва китайской культурной традиции. Современный китайский образовательный контекст значительно отличается от традиционного, дискурсом которого оперируют сторонники историко-культурного подхода и восстановить который вряд ли удастся. Произошедшие фундаментальные изменения ставят под сомнение пригодность историко-культурного дискурса, основанного на идее традиционного детерминизма.

Социополитический подход хорош тем, что рассматривает китайскую модель в актуальных, современных условиях, что позволяет также проводить анализ с учетом различных социальных, политических и экономических факторов. Однако сторонники этого подхода считают китайскую ситуацию беспрецедентной, уникальной и невозпроизводимой. Если это так, то вряд ли тогда можно говорить о «китайской модели», потому что модель — это то, на что другие могут ориентироваться.

Заключение

Оба описанных выше подхода делают ставку на своего рода исключительность Китая — либо с точки зрения его культурного наследия, либо с точки зрения современной социополитической ситуации. В результате мы наблюдаем сейчас определенное научное бездействие в этой области, связанное с противопоставлением двух явлений: конфуцианской традиции и современной аксиологии, китайской культуры и мировой. Мы полагаем, что подобное противопоставление не позволяет увидеть преемственность традиций и разглядеть основные свойства межкультурного обмена. Вообще-то, современный конфуцианский дискурс стал неотъемлемой частью идеологии глобализации. Тесную взаимосвязь между деятельностью университетов и политической повесткой дня можно оправдать при помощи одной распространенной на Западе философской идеи, а именно политфилософии высшего образования, которая оправдывает существование вузов их обширным политическим значением. Поэтому мы предлагаем поместить рассматриваемый дискурс в широкий глобализационный контекст, так как это позволит отследить и проанализировать эволюцию взаимодействия китайских и западных элементов образовательной системы с конца XIX века и до наших дней. Возможно, это позволит создать китайскую модель университета, которая будет органически сочетать в себе элементы конфуцианской, западной и других культур. Иными словами, складывающаяся модель вовсе не «исключительно китайская» — она включает в себя особенности других моделей и систем. Такой подход позволил бы понять, что эта модель уникальна своим сочетанием различных характеристик (конфуцианских и западных). Тем не менее вопрос о том, является ли китайская модель университета одним из вариантов глобальной модели или самостоятельной идеей, пока не решен.

Новости Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже

Филип Дж. Альтбах, директор центра, выступил на двух конференциях, которые прошли в Токио в феврале 2015 года. Одна из них была посвящена проблемам гуманитарного образования, другая — интернационализации вузов. Его поездка стала возможна благодаря финансовой поддержке Токийского университета. Он также по-прежнему является членом Международного совета по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации (программа «5-100») и в марте принял участие в заседании совета в Томске. В апреле он выступал на международной конференции по вопросам высшего образования в Эр-Рияде (Саудовская Аравия). Профессор Альтбах выступил с докладом перед ректорами всех университетов Саудовской Аравии. Он также остается членом оргкомитета Международной конференции по вопросам высшего образования, которую проводит Министерство высшего образования Саудовской Аравии. В мае Филип Альтбах и Кара Годвин, приглашенный исследователь центра, примут участие в другой конференции, которая будет посвящена проблемам гуманитарного образования и которая состоится в Шанхае при финансовой поддержке Фонда Гарвард — Китай и Амстердамского университетского колледжа.

Филип Альтбах стал лауреатом Премии за прижизненные достижения в области сравнительных и международных образовательных исследований — 2014, присуждаемой Институтом международных исследований Питсбургского университета.

Университет Палермо в Буэнос-Айресе выпустил книгу *Liderazgo para Universidades de Clase Mundial* («На пути к университету мирового класса») под редакцией Филипа Альтбаха.

В издательстве Palgrave Macmillan вышла книга *Academic Inbreeding and Mobility in Higher Education: Global Perspectives* под редакцией Марии Юдкевич, Филипа Альтбаха и Лоры Рамбли. А Издательский дом Университета штата Нью-Йорк издал книгу *Young Faculty in the 21st Century: International Perspectives* (также под редакцией Марии Юдкевич, Филипа Альтбаха и Лоры Рамбли). Оба эти издания стали результатом сотрудничества между Центром по изучению международного высшего образования и Лабораторией институционального анализа экономических реформ Высшей школы экономики в Москве. В настоящее время у нас в работе еще один проект, посвященный изучению рейтингов и их влиянию на отдельные вузы

в 11 странах. Его результаты также будут опубликованы в виде книги.

В результате активной совместной работы с Центром по интернационализации и глобальному взаимодействию при Американском совете по образованию в апреле 2015 года вышла пятая часть «Международного обзора для руководителей в сфере высшего образования». Этот выпуск посвящен ключевым вопросам, связанным с программами двойных дипломов. Одновременно с этим прошел вебинар, который состоялся благодаря финансовой поддержке Американского совета по образованию.

Мы рады сообщить, что начиная с апреля на нашем сайте можно бесплатно скачать книгу *Higher Education: A Worldwide Inventory of Research Centers, Academic Programs, and Journals, 3rd Edition* («Высшее образование: глобальный реестр исследовательских центров, академических программ и журналов, 3-е издание»), которая была подготовлена в конце 2014 года. Сейчас мы готовим небольшой дополнительный обзор, посвященный в первую очередь исследовательским центрам, занимающимся изучением именно международного высшего образования. Руководит этим проектом Лора Рамбли, заместитель директора центра, при участии аспирантов Арианы де Гайардон и Георгианы Михут.

В начале марта Лора Рамбли также выступила с основным докладом на Норвежской конференции по вопросам интернационализации — 2015, которая проходила в Тромсё при поддержке Норвежского центра по международному взаимодействию в области образования (SIU).

В мае Филип Альтбах и Лора Рамбли примут участие в нескольких сессиях ежегодной конференции ассоциации по поддержке международных студентов NAFSA, которая пройдет в Бостоне. 28 мая 2015 года в Бостонском колледже состоится закрытое мероприятие, посвященное 20-летию Центра по изучению международного высшего образования.

Наконец, мы рады приветствовать наших новых приглашенных исследователей — д-ра Джули Мэтьюс-Айдинли из Университета Билькент (Турция) и д-ра Чжао Лю из Пекинского университета.

Новые публикации

Araya, Daniel, and Peter Marber, eds. *Higher Education in the Global Age: Policy, Practice in Emerging Societies*. New York: Routledge, 2014. 351 pp. (hb).

ISBN: 978-0-415-871768-4.

Web site: www.routledge.com.

Данное издание посвящено странам с формирующейся системой высшего образования, среди которых есть и богатые государства, например страны Персидского залива. Издание содержит 17 эссе, посвященных таким темам, как развитие высшего образования в странах Восточной Азии, общемировые последствия Болонского процесса, региональные сети в России и Евразии, сектор коммерческого частного высшего образования в Мексике, роль университетских рейтингов и пр.

Fisher, Donald, Kjell Rubenson, Theresa Shanahan, and Claude Trottier, eds. *The Development of Postsecondary Education Systems in Canada: A Comparison Between British Columbia, Ontario, and Quebec, 1980–2010*. Montreal: McGill-Queens University Press, 2014. 450 pp. Can\$39.95. (pb).

ISBN 978-0-7735-4308-9.

Web site: www.mqup.ca.

В Канаде система высшего образования регулируется на уровне провинций. Авторы данной книги сравнивают систему высшего образования в трех крупнейших провинциях — Британская Колумбия, Онтарио, Квебек — и анализируют выявленные различия. Проведенное исследование позволяет увидеть, насколько по-разному может быть устроено высшее образование в пределах одной страны. Книга будет особенно интересна исследователям высшего образования в других федеративных государствах.

Geiger, Roger L. *The History of American Higher Education: Learning and Culture from the Founding to World War II*. Princeton.

NJ: Princeton University Press, 2014. 584 pp. \$35 (hb).

ISBN 978-0-691149394.

Web site: www.press.princeton.edu.

Без сомнения, Роджер Л. Гейгер является наиболее авторитетным современным специалистом по истории высшего образования в США. Этот обширный труд посвящен истории американских вузов от момента появления первых из них и вплоть до Второй мировой войны. В нем рассказывается о первых колледжах, основанных еще в колониальный период, о формировании университетов в конце XIX века, о распространении массового высшего образования в XX веке.

Higgins, John. Academic Freedom in a Democratic South Africa: Essays and Interviews on Higher Education and the Humanities. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2014. 272 pp. (pb). ISBN 978-1-61148-598-1. Web site: www.rowman.com.

Это сборник статей на разные темы: несколько статей об академической свободе в ЮАР, несколько статей о гуманитарном образовании и три интервью с выдающимися современными мыслителями.

Jiang, You Guo. Liberal Arts Education in a Changing Society: A New Perspective on Chinese Higher Education. Leiden, Netherlands: Brill, 2014. 301 pp. \$149 (hb). ISBN 978-90-04-28230-8.

Гуманитарные дисциплины и образование широкого профиля набирают популярность в Китае: вузы стараются подготовить свободомыслящих студентов, обладающих широким взглядом на мир, так как именно такие люди нужны в условиях глобальной экономики знаний. Книга посвящена истории гуманитарного образования в Китае и содержит несколько кейсов.

Kelly, Andrew P., and Sara Goldrick-Rab, eds. Reinventing Financial Aid: Charting a New Course to College Affordability. Cambridge, MA: Harvard Education Press, 2014. 278 pp. \$29.95 (pb). ISBN: 978-1-61250-714-9. Web site: www.harvardeducationpress.org.

Финансовая помощь студентам, образовательные кредиты и другие материальные вопросы — вот центральные темы непрекращающейся в США общественной дискуссии о высшем образовании. Они также связаны с такими проблемами, как низкая доступность высшего образования, особенно для представителей малообеспеченных слоев населения. Книга посвящена изучению сложившейся в США комплексной системы финансовой помощи студентам, а также проблеме погашения образовательных кредитов и ряду других тем.

Kennedy, Michael. D. Globalizing Knowledge: Intellectuals, Universities, and Publics in Transformation. Stanford, CA: Stanford University Press, 2015. 406 pp. (pb). ISBN 978-0-8047-9343-8. Web site: www.sup.org.

Это издание освещает пересечения между знанием, вузами, общественными движениями и другими социальными факторами. В подтверждение наличия таких связей автор описывает недавние кейсы, например движение «Оккупай», прокатившееся по многим странам. Кроме того, он пишет о глобальных способах распространения и использования знаний в современном мире.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально

Переводчик — Галина Петренко
Редактор перевода — Лариса Тарадина
Корректор — Ольга Першукевич
Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв
Руководитель проекта — Мария Юдкевич yudkevich@hse.ru
Координатор проекта — Наталья Денисова ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Тираж 100 экз.

E-mail: ihe@hse.ru
Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

80

Весна
2015

